

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 33

1986

Виктор ХОХЛОВ

ПОПУТЧИКИ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 33

Виктор ХОХЛОВ

ПОПУТЧИКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1986

Виктор ХОХЛОВ

Виктор Константинович ХОХЛОВ родился в 1922 году в Костроме. Великая Отечественная война застала его в Белоруссии, где он проходил действительную военную службу. В качестве военного радиста участвовал в боях на Западном и 1-м Белорусском фронтах. Имеет несколько правительственных наград.

Демобилизовался в 1947 году. Работал сначала в Костроме — в редакции радиовещания, в районной и областной газетах, а с 1960 года прочно связал свою судьбу с газетой ЦК КПСС «Сельская жизнь».

В разное время В. К. Хохлов издал несколько книжек очерков, фельетонов, рассказов: «Обратите внимание», «Наследники», «Возле моря Костромского», «Рядовые России», «Весенние ветры», «Начало дня», «Что посеешь»... и другие.

В. К. Хохлов — член Союза писателей СССР, заслуженный работник культуры РСФСР.

ПОПУТЧИКИ

С попутчиками Сергеем Никитичу не повезло. Это он понял сразу, еще не войдя в купе. Перед самым его носом дверь с лязгом захлопнулась, а вслед затем изнутри донеслась приглушенная ругань. Было отчего приуныть: так мечтал добраться до вагонной полки, и вот... Он потоптался немного, осторожно постучал. Там завозились, кажется, безуспешно пытаюсь открыть, высокий голос нервно заторопил: «Да отпирай же скорей, наказание мое!». Наконец дверь с тяжким усилием отодвинули и в проеме показалось потное сконфуженное лицо. Вихрастый парнишка лет тринадцати смотрел испуганно и виновато.

— Проходите, проходите, милый человек! — приветливо и ласково, словно ничего не случилось, пригласила маленькая круглолицая женщина и дернула за рубашку парня: — Да дай дяде дорогу, что столбом стоишь!

— Он у меня скоро доиграется, — хрипло пообещали из дальнего угла.

Сергей Никитич со смутным беспокойством шагнул в купе, растерянно огляделся. Место его было завалено сумками, свертками, авоськами, а на большом чемодане у окна восседал другой мальчуган, должно быть, младший брат вихрастого. Он уписывал за обе щеки булку, всем своим видом показывая, что ему тут удобно и хорошо.

Сергей Никитич огорченно подумал, что сейчас, наверное, начнется неприятный спор и надо будет приглашать проводника, чтобы выяснить, кому где сидеть и спать. Но он ошибся, никакого спора не последовало. Женщина суетливо стала убирать сумки, прикрикнула на младшего: «Ленька! Ну-ка марш с дядиного места!», несердито упрекнула мужа: «А ты чего расселся как генерал? Помогай, видишь, люди ждут». Все обитатели купе заволновались; торопясь и толкая друг друга, принялись освобождать полку, распахивать вещи, утрясаваться заново.

— Да вы не беспокойтесь, пожалуйста, спешить вовсе некуда, — бормотал Сергей Никитич, уже испытывая неловкость оттого, что

своим вторжением внес такую сумятицу. — И мальчик пусть остается на месте, — торопливо добавил он, заметив, что Ленька надул губы и собирается зареветь.

Обрадованный Ленька не стал ждать, когда разрешение будет подтверждено родителями, быстро смахнул ладошкой закипевшие было слезы и, отвернувшись ото всех, самозабвенно прижался носом к стеклу.

— Значит, вместе едем? — неожиданно весело и словоохотливо заговорил хозяин семейства, когда все утряслось, успокоилось и все заняли свои места.

В отличие от кругленькой супруги, он был на удивление сухопар — про таких обычно говорят «в чем душа держится», однако крепкий хрипловатый голос, в котором явственно звучали нотки устойчивого жизнелюбия и склонности к общению, тотчас напоминал о другой поговорке: «В здоровом теле — здоровый дух». Он тут же предложил познакомиться, сообщил, что зовут его Яковом Ивановичем, а супругу — Степанидой Петровной, и зачем-то полюбопытствовал, когда их попутчик покупал билет.

— Вчера вечером, — сказал Сергей Никитич и, невольно заражаясь говорливостью соседа, уточнил: — Хотел плацкартный взять, да оказалось — ни плацкартных, ни купейных, только общие и вот этот древний вагон...

— Я тоже вчера, было, собрался, — напуская на лицо некоторую важность, подхватил Яков Иванович. — А тут как раз шурин с работы пришел. Он, понимаешь, в министерстве работает, а мы это... в гостях у него были. — Яков Иванович многозначительно сдвинул кустистые брови. — Ну вот, оглядел он меня и спрашивает так с подковыркой: «Ты куда?» — «На вокзал», — отвечаю. — «Зачем?» — «Известно зачем, за билетами». — «Никуда, елки, не пойдешь. Понял? Будут тебе билеты. Самые лучшие и бесплатно».

Вагон дернулся, внизу что-то тягуче закрипело, перронные столбы за окном медленно двинулись назад.

— Поехали, поехали! — радостно завизжал Ленька. — Мам, мы поехали!

— Да тише ты, оглашенный. Поехали и слава богу.

Старший сын выскочил в коридор, постоял с минутой у окна, вернулся обратно и в избытке чувств принялся открывать и закрывать дверь: рраз — хлоп, рраз — хлоп!

— Ну-ка, ну-ка, не шали, дверь не игрушка! — слышался строгий голос, и в купе вошла проводница. — Ишь, развоевался, герой.

Она присела на краешек дивана, немолодая женщина с добрым усталым лицом, разложила на коленях билетную сумку, сказала приветливо, обращаясь к Якову Ивановичу:

— Давай-ка билетики, молодой человек, у меня они целей будут.

— Нашла молодого! — всплеснула руками Степанида Петровна. — Старик старый, пень трухлявый.

— Да какой же он старик, совсем молоденький. Молодой-нецелованный.

Яков Иванович даже крикнул от удовольствия.

— От что значит глаз-ватерпас! В самый корень глядит. А эта заладила: старик да старик. Не возьмешь ли в любовники?

— Не могу, миленький, у меня и муж, и полюбовник есть, живу по моде.

— Эх ты! Опоздал я, значит?

— Опоздал, опоздал. Ну, где билетики-то? Некогда ведь мне.

— Билеты? — спохватился Яков Иванович и торопливо полез в карман пиджака. — Эт-то, пожалуйста, всегда, пожалуйста. Вот они, три взрослых, один детский, все тут.

— Детский у вас без места.

— Все точно. Никаких разговоров. Ни-ка-ких! Младшего с маткой положим.

— Не, я с Вовкой спать буду, — воспротивился Ленька.

— А ты помалкивай, тебя не спрашивают.

— Я хочу с Вовкой! На верхней полке.

— Ладно, ладно, — примирительно отозвалась мать. — Хоть на крыше ложись, успокойся только.

— А упасть не боишься? — рассовывая билеты по кармашкам, спросила проводница.

— Не, — решительно мотнул головой Ленька.

— Ишь, какой герой.

Добрая проводница, видно, понравилась Леньке, и он, подумав, спросил:

— Теть, а ты все время с нами будешь ехать?

— Куда же я денусь, не мешок с деньгами, — улынулась она. — В гости приходи.

— А как тебя звать?

— Тетя Нина.

Яков Иванович улыбался восхищенно.

— Ай-да Нина-молодчина! Не язык, а целая радиопрограмма.

— Кому Нина, а кому Нина Семеновна.

— Вот режет, елки! — Деловито осведомился: — Давно на дороге?

— Не в должности ли повисить хочешь? Двадцать четыре годочка, скоро юбилей.

— Тимофеева Афанасия, надо думать, хорошо знаешь?

— Не знаю, милок, не знаю, ни одного Тимофеева среди моих ухажеров нет. Постелей вам три? Или четыре?

— Да уж давайте на всех, — согласилась Степанида Петровна.

— Ну, как же так, — слегка обиделся Яков Иванович. — Тимофеев — ваше начальство, елки, он в министерстве работает.

— Дак разве все начальство упомнишь, золотой ты мой? Ежели

хорошо посчитать, на каждого рядового у нас по четыре начальника выйдет.— Голос проводницы лился ровно и весело, она словно бы и не задумывалась вовсе над тем, что говорила, продолжая привычно выполнять свои обязанности.— Гони-ка лучше, хозяин, четыре рублика за постельное белье. Вам, конечно, тоже постельку? — повернулась она к Сергею Никитичу.

— Да, пожалуйста.

— Между прочим, Тимофеев-то — мой шурин,— гнул свое Яков Иванович.— Мы у него в гостях были. Приходит вчера домой и удивляется: «Ты куда собрался?» — «На вокзал»,— отвечаю.— «Никаких вокзалов! Я тебе билеты сам предоставляю. Понял? Без всякой очереди, елки, в лучший вагон-люкс!»

— По знакомству, значит?

— Не по знакомству, а по-родственному.

— Так это еще лучше,— Нина Семеновна встала.— Чай пить будем?

— Ча-ай,— насмешливо протянул Яков Иванович.— Ты бы, кума, чем покрепче нас попотчевала.

— Молчи-ка сиди, и так уж напотчевался, язык-то, словно помело,— обрезала его супруга.— А за чайком я сама приду, ты, милая, об нас не волнуйся.

— Ну, вы валяйте, а мы с соседом махнем в ресторан. Верно, Никитич? Вы тут разводите чай, а мы пивка.

Тащиться в ресторан не было никакого желания, но и огорчать отказом словоохотливого попутчика не хотелось.

— Уж вы меня извините, компании вам не составлю,— как можно мягче сказал Сергей Никитич.— Настроения нет.

Впрочем, Яков Иванович ничуть не обиделся.

— На нет и суда нет,— невозмутимо промолвил он,— вольному воля. А я дак пойду промочу зебры. Эх-ма!

— Куда пойдешь-то, куда-а? — укоризненно покачала головой Степанида Петровна.— Или мало тебе, черту, в гостях-то было?

— Что было, то было,— дурашливо пропел Яков Иванович.— Было мокро, а теперь подсохло. Да ведь я на одной ноге...

— Ну и катись, а мы ужинать будем. Подвигайтесь-ка, дорогой Сергей Никитич, поближе к столу, я вас пирогами угощу сдо-обными... Ребятки, ну-ка ужинать!

Она вытащила из сумки какую-то еду, сходила к проводнице за чаем, и все это у нее получалось так быстро и ловко, что Сергей Никитич не удержался от похвалы.

— Жизнь научит,— ответила она весело, но за этой веселостью чуть заметно проскользнула нотка глубоко запрятанной горечи.

— Вы... где-нибудь работаете? — с запинкой спросил Сергей Никитич.

— Работаю, а как же, без работы нельзя, в больнице уборщицей работаю.

— А муж?

Степанида Петровна махнула рукой:

— Да ну его, баламута, и сам-то с ноготок, а туда же... Однако вот приходится жить, и уважать его такого-то надо. Двадцать два года вместе маемся.— И, будто спохватившись: — Мужичок-то он дельный, мастеровой, на все руки, несерьезный только.

Скоро вернулся возбужденный Яков Иванович. Он был не один. За спиной, словно застряв в дверях, маячил долговязый субъект с большим носом и лысиной.

— Ты погляди-ка, Стеш, кого встретил! — радостно провозгласил Яков Иванович.— Только вошел в ресторан, гляжу — мать честная, Сашка Битюгов! «Ты,— говорю,— елки, откуда взялся?» А он: «К сыну ездил, к Веньке».— И, обернувшись к Сергею Никитичу, приглашая его разделить общую радость, стал пояснять: — Сосед это наш, друг мой старинный, а сын у него в армии, под Москвой служит, младший сержант Битюгов. Проходи, Саша, гостем будешь.

Гость как-то неловко протиснулся в купе, пожал руку Степаниде Петровне и Сергею Никитичу, а ребятам дал по конфетке.

Сергей Никитич встал, освобождая место за столиком, вежливо извинился и вышел. После жаркого, тесного и шумного купе коридор показался ему необыкновенно просторным и светлым. В полную силу светились матовые плафоны под потолком, блестели надраенные металлические детали окон и дверей, непорочно белели занавески и, как-то особо подчеркивая общий порядок и чистоту, по всему коридору, от тамбура до тамбура, протянулась холщовая дорожка с розовыми полосками по краям. После суматошного, утомительного дня думать ни о чем не хотелось, была только легкая досада, что не удалось сразу лечь в постель и, судя по всему, такая возможность представится не скоро.

В купе о чем-то заспорили.

— Ты не мастер! — задиристо кричал Яков Иванович. Это заклятие он повторил несколько раз.

Гость в ответ невинтно и вроде бы миролюбиво что-то бубнил, очевидно, пытаясь доказать обратное.

— Не мастер ты, а потому я не могу тебя уважать, я тебе прямо говорю, по большому счету.

Последние слова, должно быть, задела Битюгова за живое.

— Это как понимать? — спросил он с обидой.

— А так прямо и понимай.

— Нет, ты объясни, почему я не мастер.

— А тут и объяснять нечего, без очков видно.

— Что тебе видно? — стал горячиться Битюгов.— Ты вот и растолкуй, раз такой умный: что видно?

— Ра-астолкую. Эт-то всегда пожалуйста. Помню, заскочил я к тебе на той неделе — не знал, что ты уехал. Вижу, стоит табуретка, новая. Спрашиваю хозяйку: «Сам делал?» — «Сам». Ну и все. «Молодец!» — отвечаю, а сам себе думаю: «А Сашка-то слабак»

— Чем же плоха табуретка?

— По тебе, может, и хороша, а по мне — топором изрубить и в печку бросить.

Наступило молчание, слышно было, что спорщики пьют пиво. После паузы Битюгов произнес огорченно и покорно:

— Дак ведь я не столяр. Это ты столяр, а я переплетчик.

— А-а, вот то-то и оно!

Мимо шла проводница с двумя стаканами чая в руке, остановившись, посоветовала:

— Если хотите, можно переселиться во второе купе, там всего один человек. Правда, женщина, но она не возражает.

— Да? — встрепенулся Сергей Никитич. — Спасибо, я, пожалуй...

Степанида Петровна страшно расстроилась и стала его отговаривать.

— Это вы из-за нас, — сокрушалась она, — не дали вам покоя. Оставались бы, я их, этих дьяволов, сейчас турну.

Сергей Никитич клятвенно уверял, что переходит просто потому, что предложила проводница и что так будет удобней для всех. Спорщики к его уходу отнеслись совершенно равнодушно, им было не до него.

* * *

— Да-да, входите же! — нетерпеливо и, как показалось Сергею Никитичу, раздраженно откликнулись из-за двери, когда он постучал. — Что вы скребетесь, как мышь?

Женщина лишь мельком взглянула на него и продолжала заниматься своим делом. Низко нагнув голову, так что волосы свесились до самых колен, она торопливо копалась в большой кожаной сумке, именно копалась, словно курица, иначе не назовешь, — обеими руками выгребала и выбрасывала оттуда все подряд: сигареты, яблоки, спички, какие-то тубики, флаконы, корбочки, свертки... Больше всего было сигарет — пачек пятнадцать, не меньше, — они попеременно с другим барахлом валялись теперь у нее на коленях, слева и справа на одеяле, на столике. Затем столь же стремительно и бесположно зачихала все обратно, кроме одной пачки сигареты да зажигалки в форме подсвечника и, отбросив сумку в угол, стала закуривать.

— Вы не будете против? — спросила, небрежно щелкнув зажигалкой.

— Нет, что вы, сделайте одолжение, — поспешно отозвался Сергей Никитич и зачем-то добавил: — Курите на здоровье.

Снова наступило молчание. Она неторопливо затягивалась табачным дымом, листая какой-то журнал.

Теперь Сергей Никитич наконец разглядел ее лицо. Чистый, без единой морщинки лоб, длинные, слегка изогнутые черные брови, тонкий, неправильной формы нос. Женщина была довольно молода, хотя определить ее возраст он бы, пожалуй, не решился: ничего не стоило ошибиться лет на десять в ту или другую сторону. Сбивали с толку подкрашенные веки, ресницы, брови, неестественно бледные перламутровые губы. Хитроумная прическа ее растрепалась, в одном ухе светилась рубиновой каплей изящная клипса, а другая, такая же, валялась на столике рядом с губной помадой и обертками от конфет.

«Растрепана какая-то,— решил Сергей Никитич,— намазалась как кукла, а сама неряха».

— Ну что, так и будем молчать? — вдруг спросила она, не поднимая глаз от журнала.

Вопрос был задан совершенно бесстрастным тоном и прозвучал столь неожиданно, что Сергей Никитич смехался. Похоже было, спутница угадала, о чем он только что размышлял.

— Почему же... — сбивчиво заговорил он, — я только вошел, а вы... заняты... Может, даже помешал вам, ворвался в вашу келью.

— Положим, ворвались вы с моего согласия, я могла бы и возражать: пусть-ка подседают женщину. Хотя... какая разница.

Она шумно перелистнула страницу и, пошарив рукой по столику, придвинула поближе к себе лампу.

— Что уж вы так,— усмехнулся Сергей Никитич. — Некоторая разница, наверно, все-таки есть.

— Да? — То же ледяное равнодушие в тоне.

«Постель, что ли, разложить? — слегка раздражаясь, подумал он. — Скажу прямо, что хочу спать, и дело с концом. Не к ней же подлаживаться. Может, эта кикимора всю ночь будет читать. Уткнулась, словно...» Сергей Никитич поискал сравнение, но ничего не придумалось. Вслух съехидничал:

— Выходит, не повезло вам.

— Почему же? Как раз, наоборот. Я не люблю одиночества.

Отбросив журнал и вынимая из правого уха вторую клипсу (вспомнила, наконец!), она заговорила спокойно и без всякой отчужденности:

— Когда едешь одна, ночью к тебе непременно кого-нибудь подседают. Без предупреждения откроют дверь, включают свет на полную мощность, примутся двигать чемоданами, топтать, хлопать... Кошмар! Лежишь, ничего не соображая спросонок, и чувствуешь себя так, словно ты не человек вовсе, не пассажир, а багаж.

— Ну, не все, наверно, такие грубые,— мягко возразил Сергей Никитич, удивившись неожиданной этой тираде.— Деликатный человек никогда...

— Бросьте! — бесцеремонно прервала она. — Много вы встречали деликатных? Хорошо еще, если трезвый, чего, кстати сказать, почти никогда не бывает... Господи, до чего ненавижу этих пьяных уродов, дорожных прилипал!

— Каких прилипал? — не сразу понял Сергей Никитич.

— Любых. Впрочем, они все на одну колодку: примитивные, скучные и наглые. Как-то ехала в Минск, а в Смоленске подсел новый пассажир. Не знаю, сколько было — двенадцать ночи или больше. Так он мне битых два часа голову морочил. Из кожи лез, в остроумии изощрялся. Ученый, кандидат каких-то наук, на вид приличный человек, а послушать — просто полупьяный тип.

— Надо было турнуть как следует, и все.

— Да в конце-то концов и пришлось выдать тому кандидату, но это после, когда он хамить начал. Дошло. До утра в коридоре курил.

Женщина вдруг рассмеялась звонко и заразительно. С лица ее исчезли остатки холодности и отчужденности. А Сергей Никитич, смеясь вместе с ней и невольно отмечая про себя, что спутница вовсе не так дурна, как показалось вначале, брякнул:

— А может, я тоже примитивный дорожный прилипала?

Перестав смеяться, она склонила голову и окинула его быстрым оценивающим взглядом, убежденно возразила:

— Нет. Вы не такой.

И хотя сказано это было явно в похвалу, в голосе ее в то же время промелькнуло немножко иронии, непонятно что означавшей.

«Ну и хитра!» — озадаченно и досадливо подумал он.

Однако выражение ее лица тотчас снова изменилось: откровенно кокетничая, женщина прищурила красивые глаза, сказала игриво:

— А впрочем, кто вас знает?.. В наш век искусство притворяться достигло такого высокого уровня, что верить никому нельзя.

— Так уж и никому?

— Ни одному человеку. И тут нет ничего удивительного или плохого — это естественный результат общего развития. Дипломатия стала доступна всем. Вам могут преподнести заведомую ложь с такой открытой и честной улыбкой, что не поверить, отличить неправду от истины вы будете совершенно не в состоянии — стопроцентная достоверность. И тут уж все зависит от характера: простофиля верит, осторожный сомневается.

— Ну это уж вы чересчур. Как же не верить? Эдак и жить нельзя.

— Можно, можно. Только не старайтесь узнавать, что о вас думают и говорят за глаза другие: жена, друзья, начальство; не будите спящую собаку — укусит. Помните, у Пристли?

Он не помнил. Устыдившись своего незнания, растерянно пробормотал:

— И все-таки что-то уж слишком мрачно...

— Не мрачно, а реально. Лично я отношусь к числу осторожных,

а посему предупреждаю: если вы вздумаете со мной хитрить, то берегитесь, я сегодня злая! — И добавила уже совсем другим тоном: — Шучу. Вы действительно не такой.

— Хм! Какой же я, по-вашему?

— Я думаю, добрый. А добрые люди не умеют причинять неудобства или огорчения другим.

— Быстро вы меня определили.

— Господи, тут и определять нечего, достаточно взглянуть. У меня на людей интуиция. А кроме того... — она опять сузила темные глаза. — Я ведь вас еще на перроне заметила.

— Даже так? А раньше, до того, как я ступил на перрон, не замечали? — пытаюсь скрыть смущение, в тон ей полюбопытствовал Сергей Никитич.

— Раньше — нет. Ничего до вашей доперронной жизни мне неизвестно. Нас разделяли слишком большие расстояния. Зато, когда вы, очертя голову, бросились помогать каким-то деревенским женщинам перетаскивать из вагона в вагон их тяжеленные узлы и чемоданы, я случайно оказалась рядом. Это были ваши знакомые?

— Нет.

— Так я и подумала. Вы — скромный герой.

Улыбка на лице Сергея Никитича погасла. Наступила неловкая пауза.

— Боже, вы сердитесь! Как вам не стыдно! Я же шучу. Да вроде и не сказала ничего обидного. Мне действительно понравился ваш благородный поступок. Хотя, по правде, со стороны было немножко смешно.

— Чего же тут смешного? Женщины по какой-то нелепой случайности сели не в свой поезд. Нужно было в хабаровский, а они оказались в нашем. И обнаружилась ошибка за пять минут до отправления.

— Но сколько у них вещей, это тихий ужас! Пол-ГУМа. На вас было страшно смотреть.

— А ГУМ и вовсе ни при чем. Вы же ничего не знаете, — с укором продолжал Сергей Никитич. — Едут они из Тамбова куда-то на восток, целая бригада строителей. Мужики не то запили да отстали, не то вперед уехали, а всю поклажу бросили на этих бедолаг. Представьте-ка себя в их положении...

— Вот уж увольте, не люблю!

— Чего не любите?

— Влезать в чужое положение. Да и не умею вовсе. А главное, не хочу. Ерунда какая-то, совершеннейший абсурд. Когда мне предлагают поставить себя на чье-либо место, я расцениваю это как... Ну, я не знаю... Как попытку к насилию.

— Да ну, что вы... — Сергей Никитич несколько оторопел даже.

— А как же иначе? Мне вот непонятно, каким образом можно

оказаться в положении человека абсолютно незнакомого — да пусть даже и знакомого,— если у него все другое: характер, возраст, образование, привычки, физическое развитие — все. Не говоря уже о том, что мне вовсе неведомы причины, по которым он поступает так, а не иначе. Взять хотя бы тех же ваших путешественниц. Я, например, ни при какой погоде не позволила бы помыкать собою пьяным мужланам да еще таскать с вокзала на вокзал их барахло. С какой же стати я буду представлять? Смешно даже. Представить себя — это, иными словами, кого-то пожалеть. А у меня жалости к таким размазням нет!

Сергей Никитич хотел что-то возразить, но она тотчас перебила:

— И вообще эту «жалобную» сентенцию придумали лентяи и хвастуны. Главным образом хвастуны. «А вы поставьте себя на мое место»... — произнесла она комически-важным голосом. — Этой идиотской фразой обычно пытается убить своих подчиненных какой-нибудь надутый тип. И что она означает? «На моем месте ничего у вас не получится, потому что по сравнению со мной все вы бездари и круглые дураки». Или: «Увидите тогда, какую тяжелую по сравнению с вами ношу я несу».

Женщина так забавно изображала надутого типа, что Сергей Никитич не выдержал, расхохотался. Она благосклонно улыбнулась:

— Разумеется, к вам все это не имеет никакого отношения.

— Однако вы ведь именно с меня начали.

— Вы совсем другое дело, вы — жертва благородства, тихий рыцарь. Мне даже подумалось, что под вашей скромной внешностью скрывается какое-нибудь звучное и, может быть, даже двойное имя типа Георгий-Победоносец, Андрей Первозванный...

— Еремей Распрягальник... — в тон ей добавил он.

— А на самом деле, если не секрет?

— Чего же тут секретного, я не Зорге. Похвастаться, правда, нечем, до Победоносца не дотянул. Обыкновенный Сергей. И отчество так себе — Никитич. Ну, а вас угадывать не берусь, не силен.

— Да если бы и взялись, все равно б ломали голову зря.

— Что-нибудь импортное?

— Почти. Изольда.

— Красиво. На уровне Андрея Первозванного, а то и повыше.

— Может быть. Но я не горжусь, да никто меня так и не называет. Просто Зоя. Если угодно — Васильевна.

— А Изольда про запас?

— На всякий случай.

— Удобно?

— Это когда как. Однажды я едва не сделалась причиной мирового скандала.

И она рассказала забавную историю, якобы происшедшую с нею в одном иностранном посольстве, куда ее пригласили на прием.

Слушать Зою Васильевну было занятно. Она явно присочиняла, но делала это столь непринужденно и остроумно, что любой ее вымысел казался вовсе не вымыслом, а просто забавным курьезом. Ей, видимо, доставляло удовольствие злословить, при этом она ничуть не осторожничала перед незнакомым собеседником и вовсе не заботилась, какое впечатление произведет ее рассказ. Это тоже по душе пришлось Сергею Никитичу: он не выносил людей невнятных и трусливых, которых никогда толком не поймешь и которые чуть ли не каждую свою мало-мальски смелую фразу сопровождают разными спасительными оговорками.

Приятно было слушать Зою еще и потому, что речь ее была удивительно чиста — ни малейшего намека на косноязычие, никакого словесного мусора, — словно прозрачный горный ручеек журчал, перекатываясь и весело звеня по гладким камешкам. Особенно красиво и упруго получалась у нее буква «р», будто какая-то невидимая пружинка безотказно срабатывала в нужный момент.

Одним словом, Сергей Никитич с удовольствием внимал своей спутнице, широко улыбаясь и чувствуя, как неприятный осадок, оставшийся от давешнего разговора, быстро таял, исчезал без следа. Наблюдая за Зоей Васильевной и безотчетно любуясь ею, Сергей Никитич пришел к неожиданному заключению, что небрежность в прическе и туалетенисколько не вредит этой женщине и, пожалуй, даже соответствует ее характеру. Она, безусловно, следит за своей внешностью, ходит к дорогим парикмахерам и всяким там маникюршам, красится, но делает это главным образом для себя, мало заботясь о том, какое впечатление производит на окружающих. Вообще-то Сергей Никитич плохо разбирался во всех этих тонкостях и даже иногда недоумевал. Удивляло, например, зачем некоторые женщины-модницы без меры мажут себе веки зеленой или синей краской (заметно же!). А вот здесь, по его мнению, все было оправдано, все было просто и честно.

Еще ему подумалось, что и он должен бы, наверное, рассказать какую-нибудь байку. А то получается не совсем складно: женщина его развлекает, словно Шехерезада, а он только улыбается да хмыкает, как немой. Но ведь рассказывать надо что-то интересное, остроумное, чтобы посмеяться было над чем. А где оно, остроумное, и что ей может быть интересно, сразу и не придумаешь. Сергей Никитич покопался в памяти, перебирая разные полузабытые случаи из жизни, но на ум приходили одни пустяки.

И тем не менее он не ударил в грязь лицом. Когда Зоя умолкла и, с хитринкой поглядывая на него, стала закуривать, Сергей Никитич небрежно сообщил:

— Между прочим, у меня одно время тоже было два имени.

— Вот как!— Зоя настроилась явно на иронический лад.— А я сразу поняла, что вы человек загадочный.

— Нет, в самом деле. И с этим двойным именем, точь-в-точь как у вас, вышла история. Правда, не дипломатическая, а любовная. С трагическим концом.

— Ну, Сергей Никитич, вы меня заинтриговали. Не томите, ради бога, рассказывайте скорей.

По выражению лица и по игривому голосу Зои нетрудно было догадаться, что она отнюдь не заинтригована и что вообще возбудить ее любопытство чем-либо вряд ли возможно, однако слушать она будет со вниманием и даже с интересом.

Впрочем, и Сергей Никитич несколько преувеличивал. Никакой такой любовной истории, да еще с трагическим концом, у него вовсе не было, просто вспомнился ничтожный эпизод, веселым светлячком промелькнувший в далекой юности.

Однажды к ним в деревню Пузыри приехала на каникулы племянница бригадира — студентка ВГИКа, красавица, мнившая себя талантливой актрисой. Держалась она обособленно, на деревенскую молодежь посматривала свысока, и ребята решили как следует разыграть гордичку. А заодно и влюбившегося в нее Сергея, который в то время учился в Тимирязевке и все летние дни проводил на молокозаводе. Будущей кинозвезде наплели про него невероятнейших небылиц: будто бы бабушка Сергея произошла из какого-то знатного княжеского рода, мать получила воспитание за границей, а его настоящее имя Вольфганг, но все это Сергей якобы тщательно скрывает и потому сторонится людей. В конце концов парни подстроили их встречу, которая окончилась для «аристократического потомка» полным конфузом.

Сергей Никитич рассказывал обо всем этом, не жалея красок и не щадя себя. Однако Зою его приключения, похоже, не тронули.

— Не очень смешно, — с рассеянной улыбкой промолвила она и, сделав небольшую паузу, посоветовала: — Знаете, не рассказывайте это больше никому. Не надо.

Сергей Никитич растерянно заморгал глазами.

— Конечно, с какой стати... Просто вспомнил случайно... — проговорил он с плохо скрытым огорчением. — Вообще-то я ведь и в самом деле был влюблен. А что вам не показалось?

— Не знаю. Если это не выдумка, то... — Зоя сделала гримаску. — Не знаю. Нельзя выставлять себя таким примитивным.

— Но ведь это когда было.

— Да когда бы ни было.

Сергей Никитич все более явственно чувствовал ее превосходство и с произвольной расслабленностью как бы смирился с ним, хотя и был старше Зои: в чем-то она была, несомненно, более опытна и уверена в себе.

Зоя решила переменить тему.

— Ладно, бог с ним, с прошлым, обратимся лучше к настоящему,— снова потянув к себе пачку сигарет, с примиряющей улыбкой предложила она.— Сейчас я буду угадывать. Вы не москвич, так? И возвращаетесь из отпуска, верно?

— Уже не угадали,— засмеялся Сергей Никитич.— Из командировки.

— Да-а?— искренне усомнилась Зоя.— А вид у вас... Словно только вчера с черноморского пляжа. Видать, не сильно утомляли себя государственными заботами. Признавайтесь, загорали на пляже?

— Не пришлось, да и некогда было. Ну, а вы?

— Я еду в командировку на целых три недели, и ничего хорошего мне впереди не светит.

— Что ж так мрачно?

Зоя пожалала плечами, задумалась. Разговор иссяк. Сергей Никитич соображал, как быть дальше. Наверно, следует выйти, чтобы предоставить женщине возможность улесться спать. А может, она еще и не собирается отходить ко сну? Надо было как-то намекнуть.

— Вы позволите снять пиджак?— вежливо обратился он.

— Господи, что за церемонии, конечно, снимите, здесь жарница ужасная.

Зоя уже отвлеклась от своих раздумий, в прищуренных глазах ее засветилась игриво-ироническая усмешка.

— Галстук у вас!.. Нет слов! Мечта артиста. Не иначе где-нибудь на черном рынке в порту присмотрели. А вы, оказывается, модник!

— Да нет,— засмутился Сергей Никитич,— это мне один француз на прощанье подарил, вроде как сувенир.

— Давно?

— Позавчера в аэропорту.

— Перед вылетом из Пузырей?

— Нет, зачем же, перед вылетом из Парижа.

Зоя перестала иронически улыбаться и смотрела на него широко открытыми глазами, видимо, соображая: верить ему или подождать? Сергей Никитич теребил пальцами пресловутый галстук.

— Вы хотите сказать, что были в командировке во Франции?

— Да, конечно.

— Ну, знаете...— наконец с откровенным восхищением произнесла она.— Вы даете... Человек путешествовал по Франции, гулял по Парижу, а сообщает об этом так, словно съездил в какую-нибудь Кинешму: «Я был в командировке». Ну, Сергей Никитич, вы оригинал.

— Если бы сразу спросили, я бы сразу и уточнил,— оправдывался он.

— Нет, я не нахожу слов,— покрутила головой Зоя и расхохоталась. Сергей Никитич тоже засмеялся, потому что хохотала она очень заразительно, без какой бы то ни было наиграннысти, от души. Потом Зоя сказала:

— Вот теперь меня заело любопытство. Вы кто? Профсоюзный деятель? Ученый-селекционер? Представитель общества дружбы?

— Неужели я похож не деятеля или представителя?— Сергей Никитич продолжал тихонько посмеиваться.— Вынужден вас разочаровать: рядовой колхозный зоотехник.

— О!?

— Не устраивает?

— Устраивает, но немножко не доходит. Когда за рубеж с официальным визитом едет председатель Госплана или писатель Бондарев, тут все ясно. Но чтобы колхоз запросто командировал в Париж зоотехника... Французы не удивились?

— Нисколько. Тем более что поехал я, можно сказать, по настойчивому их приглашению.

— И встречали вас, как Майю Плисецкую?

— Немного скромней. Я танцую неважно.

— Может, вы все-таки поделитесь воспоминаниями?

— Да ведь ничего особенного, все очень просто. В прошлом году в Советский Союз приезжала группа французских фермеров, были они и в нашем колхозе. Кое-что им у нас понравилось, особенно по части племенной работы. Смотрели, расспрашивали, а потом пригласили председателя колхоза к себе, так сказать, с ответным визитом. Ну, а тут вышло... Председатель наш позаболел, да и не очень-то ему хотелось ехать. Я, говорит, языка не знаю. Вот и решили командировать меня.

— А вы владеете французским?

— Да тоже... через пень-колоду.— Сергей Никитич пренебрежительно махнул рукой.— Правда, немножко пригодилось. Переводчица у нас была не совсем... О сельском хозяйстве почти никакого представления. Так что пришлось по мере сил...

— Ну, рассказывайте. Где были, что видели? Франция — изумительная страна. А парижане...

— Ах эти парижане! — подхватил он, смеясь.— Там даже дворники говорят по-французски.

— Не задавайтесь, я ведь и обидеться могу.

— Не знаю, право, с чего и начать.— Сергей Никитич наморщил лоб.— О Париже вы, конечно, все знаете, о деловых встречах вам неинтересно. Хотите о Бургундии? Довольно любопытная была поездка.

Он начал с описания дороги, с маленьких забавных приключений, без которых не обходится почти ни одно путешествие, потом «заехал» в селекционный центр, увлекся... и не скоро заметил, что слушательница позевывает в кулак. Спохватившись, сказал виновато:

— Я, наверное, слишком уж подробно. Некоторые детали надо просто опускать, они вряд ли вам интересны.

— Да, можно покороче,— скучно согласилась она.

— Из селекционного центра,— продолжал, заранее загораясь, Сергей Никитич,— поехали мы к тому самому фермеру, который был у нас...

— Знаете,— перебила Зоя,— честно говоря, я в сельском хозяйстве понимаю ровно столько, сколько та ваша переводчица: косилки от молотилки не отличу. Вы с таким воодушевлением живописуете французских коров и быков, что мне даже неловко. Для меня ведь все коровы на одно лицо, любой национальности, ей-богу! Вы уж не сердитесь.

Он поперхнулся на полуслове, замолчал.

— Ну, не надо дуться,— миролюбиво повторила Зоя.— Плуньте вы на этот рогатый скот и расскажите о чем-нибудь другом. Ну, например... что вы купили в Париже?

Сергей Никитич пожал плечами, вздохнул.

— Или, может, это секрет?

— Да не в том дело, просто себя ругаю — не умею рассказывать. А секретов никаких нет. Так, ерунда всякая — открытки, сувенирчики, у меня ведь франков немного было.

— Сергей Никитич, голубчик, покажите! — взмолилась она. — Сувениры — моя слабость.

Он неохотно открыл чемодан — была в этом какая-то неловкость, да и не очень верилось, что Зою в действительности интересуют чужие покупки, скорее всего она просто хотела тактично помочь ему выбраться из неуклюжего положения. Но сувениры Зоя разглядывала с явным удовольствием, искренне ахала, хвалила его вкус. Больше всего ей понравился изящный блокнотик с изображением Нотр-Дам на обложке и миниатюрным позолоченным карандашиком. Сергей Никитич сказал, чтобы она взяла его себе на память, и хотя Зоя немножко поупрямилась («Нет, нет, ни в коем случае!»), видно было, что подарок доставил ей радость. В заключение он извлек со дна чемодана аккуратно завернутую в бумагу картину. Это была акварель какого-то французского художника, приобрел он ее в подарок своему соседу, учителю рисования, большому любителю и знатоку современного изобразительного искусства. Сам Сергей Никитич не считал себя ценителем живописи, особенно зарубежной, взял картину почти наугад, истратив на нее ровно половину всех денег, и был обрадован и польщен, когда увидел, как у Зои заблестели глаза.

— Но это же, наверно, страшно дорого стоит? — воскликнула она.

— Да нет, не очень,— отвечал он, довольный собою,— хозяин магазина уступил за полцены.

Сергей Никитич снова бережно обернул картину бумагой и, спрятав ее на дно чемодана, стал укладывать остальное.

— Вот и все мои секреты,— промолвил он.— Контрабанды, как видите, нет, особых ценностей тоже, если не считать двух бутылок бургундского.

— Настоящее бургундское? — словно не поверила Зоя.

— Более настоящего, думаю, во всем свете нет. Это мне Руже презентовал, тот самый фермер, из личного запаса.

— Я это вино только по книжкам знаю, а попробовать в жизни не приходилось.

— Раз так, считайте, что вам повезло. — С этими словами Сергей Никитич извлек из-под рубашек светло-зеленую бутылку с красивой этикеткой и длинным горлышком, увенчанным какой-то медалью, не торопясь, достал из кармана складной нож, открыл штопор.

— Ой, а не жалко? — тихо спросила Зоя.

— Мы только одну.

Вино было удивительно приятное на вкус. Оно, кажется, совсем не пьянило, но в голове и по всему телу разливалась приятная легкость, стало весело и хорошо, как бывает в праздник в кругу желанных друзей. Сергей Никитич снова рассказывал о своей поездке, теперь у него получалось гораздо лучше, память услужливо подбрасывала занятные дорожные случаи, встречи. Зоя слушала со вниманием, уточняла подробности, хохотала.

Наконец он выговорился, а ей, должно быть, хотелось слушать еще, и она спросила, чем Сергей Никитич занимался в Москве, где был, как провел день.

— Плохо провел, — признался он. — Съездил в министерство, доложил, а потом в кино ходил. И все. Надо было бы кое-где побывать, да поленился, вернее, просто устал.

— А что смотрели в кино?

— «От зари до зари». Если не видели, советую посмотреть.

— О нет, увольте, это не для меня.

— Почему же? — удивился Сергей Никитич. — Хороший фильм. Я не запомнил фамилию артиста, который исполняет главную роль, но, по моему, сыграл он превосходно. Это даже игрой не назовешь — правдиво, как в жизни. И содержание фильма...

— Не надо, мне известно содержание. Обычный, набивший осмину штамп. Это, между прочим, касается и режиссуры, и операторской работы — сплошная бездарность.

Сергей Никитич посмотрел на нее недоверчиво и удивленно.

— А вы не слишком сурово?

— Не слишком, в самый раз.

— Может быть, я плохо разбираюсь, даже наверняка плохо, но... не могу с вами согласиться, — неуверенно возразил он. — Конечно, там есть слабые места, но если сравнить...

Снисходительно улыбнувшись, Зоя перебила:

— Вы просто наивный человек. Надо сравнивать с лучшими образцами кино, с эталонами, только так можно подходить к оценке искусства.

— С какими же эталонами надо сравнивать?

— Господи, их много. Возьмите хотя бы широко известные работы Феррери, Кормана, Буассе, Коменчини.

Зоя бойко перечисляла фамилии зарубежных кинорежиссеров, названия картин; он знал лишь немного — и то в основном понаслышке — и досадовал на себя за неосведомленность, оставалось слушать да молчать.

«А у нее язычок острый,— подумал Сергей Никитич.— Любопытно, кто она такая? Журналистка? Писательница? Или еще кто? Меня обо всем спросила, а о себе ни гу-гу».

Вслух признался:

— С вами интересно разговаривать, хотя и не всегда приятно. Мне нравится, когда у человека на все есть собственная точка зрения, только...

— Зачем же «только»? Человек без убеждений, без точки зрения, как вы говорите,— это протоплазма. И никаких «только». Однако, уважаемый Сергей Никитич,— она прищурилась,— вы начинаете говорить мне комплименты. Что бы это значило, а?

Заметив, как он тотчас покраснел, расхохоталась и погрозила ему пальцем.

— А кроме того, какие-то намеки... Делать женщине таким тоном намеки нехорошо, некрасиво. Сейчас же признавайтесь, что вы от меня хотите?

Сергей Никитич отлично понимал, что она просто дурачится, и все-таки засмутился.

— Да нет, Зоя Васильевна, честное слово ничего.

— Так-таки и ничего?— Зоя кокетливо склонила голову набок, глаза ее лучились, губы подрагивали, вот-вот опять расхохочется. Но удержалась.

— А вы, оказывается, хитрый,— сказала она, вставая.— Ну ладно, хватит, вечер воспоминаний пора кончать.

Зоя взяла полотенце, мельком взглянула на себя в зеркало и вышла.

Некоторое время Сергей Никитич сидел неподвижно, словно приходя в себя от этого каскада шуток, насмешливых реплик, полунамеков. Потом тряхнул головой и засмеялся — настроение в общем-то, было хорошее. Разложив белье, быстро разделся, весело, как в детстве, юркнул в постель. Влажноватые простыни охладили уставшее за день тело, лежать было мягко и удобно. Он вспомнил, что в кармане плаща торчат газеты, купленные в вокзальном киоске. Подтянувшись, достал на ощупь одну — это оказалась «Вечерняя Москва», — пробежал глазами по заголовкам, но прочитать ничего не успел, вернулась Зоя.

— Вы уже? — удивилась она.— Быстро. Между прочим, в вагоне гробовая тишина. Все, наверное, давным-давно видят приятные сны. Одни мы с вами никак не угомонимся.

Зоя продолжала болтать, стоя перед зеркалом, расчесывая чудесные свои волосы, время от времени что-то пристально рассматривая и трогая пальчиком на лице.

— А теперь отвернитесь к стенке,— приказала она, закончив туалет.

— На всю ночь?

— Ну зачем же? Всего на минуту. Если хотите, я буду считать. Раз...

Сергей Никитич слышал, как она раздевалась: расстегнула пряжку пояса, с тихим шуршащим звуком открыла молнию на платье, сбросила туфли... Быстро постукивали колеса под полом, гулко и сбивчиво колотилось сердце...

— Два-а...

Шумно всплеснулась за спиной простыня, легко скрипнул диван.

— Три!

Как бы продолжая игру, он быстро обернулся. В глаза ему бросилось смуглое плечо с ямочкой и кружевная бретелька, которая вдавилась в тело, словно специально для того, чтобы подчеркнуть скрытую прежде полноту. Бесстыдно-голые руки лежали поверх одеяла. Запоздало опомнившись, он поспешно схватил газету и с деланным равнодушием спросил:

— Все в порядке?

— Так же, как и у вас,— насмешливо ответила она.

«Черт бы меня побрал,— смятенно подумал Сергей Никитич.— Устался... Мальчишество какое-то».

Он закрылся газетой и стал читать первую попавшуюся статью: «Под сводами огромного арматурного цеха в обеденный перерыв собрались рабочие, инженеры и служащие одного из передовых предприятий столичной стройиндустрии»... Эту фразу он перечитал трижды, тщетно пытаясь постичь ее смысл. «Собрались под сводами». Чепуха какая-то.

— Что-нибудь важное?— будто ни в чем не бывало полюбопытствовала Зоя.— Вы неожиданно так сосредоточились...

— Да нет, ничего особенного. Просто рабочие, инженеры и служащие собрались под сводами арматурного цеха.

— Под какими сводами?

— Пока не знаю, еще не добрался до сути.

— Ну ладно, добирайтесь скорей и давайте спать.— Зоя спрятала руки, натянув одеяло до подбородка.

«Интересно, что она обо мне думает? Конечно, это не имеет никакого значения, просто любопытно было бы узнать. Какая-то странная женщина. Несомненно, умна. И хитра тоже, хамелеон в юбке. «Ах, как я ненавижу дорожных прилипал!» И тут же начинает кокетничать: «Вам действительно ничего от меня не нужно?» Довольно-таки игриво, даже чересчур. А наставление простое:

«Хотите верьте, хотите не верьте, настоящей правды я вам все равно не скажу». Которая же настоящая?

— Не смотрите так, вы мне мешаете спать,— сонно произнесла Зоя.— И, если не трудно, потушите свет.

* * *

Ему приснился Париж. Правда, самого города он почему-то не видел — ни Эйфелевой башни, ни Собора Парижской богородицы, ни Лувра,— но знал совершенно точно, что это именно Париж. Он куда-то очень спешил, но люди запрудили всю улицу, приходилось буквально протискиваться сквозь галдящую толпу. Наконец удалось дойти до отеля; он вбежал в свой номер и в полном изнеможении повалился на кровать. Хотел попросить горничную, чтобы никого к нему не впускали, но голоса не было, усталость сковала язык. В это время послышался грохот, дверь отодвинулась и в номер, согнувшись, вошел Яков Иванович. За собою он тащил на веревке что-то тяжелое.

«Что там у вас?» — с трудом шевеля губами, спросил Сергей Никитич.

«Пиво,— Яков Иванович подмигнул,— два ящика, по ящичку на брата. Вставай!»

«Но я же говорил, что не хочу».

«Не мастер ты, елки,— обозлился Яков Иванович.— Я сразу заметил, что ты не мастер, а шпион, потому как непонятное имя».

Тут из-за его спины вышел колхозный бригадир и тоже подмигнул:

«Вольфганг, вставай!»

«Ну зачем?» — грустно спросил Сергей Никитич.

«В любви объясняться».

«Кому?»

«В прокуратуре узнаешь. Вставай!»

«Какая еще прокуратура? — возмутился Сергей Никитич.— Вы меня с кем-то путаете».

«Надо тряхнуть его как следует, чтобы знал,— опять обозлился Яков Иванович.— Заходи, парень, с головы, а я тут. Раз-два, взяли!..»

Они сдернули с него простыню и начали скандировать, словно болельщики на стадионе:

«Вста-вай! Вста-вай! Вста-вай!»

Сергей Никитич с трудом разлепил веки и тотчас зажмурился: в глаза ударил яркий свет плафона.

— Подымайтесь, подымайтесь, мне некогда,— голос Зои был странно напряженным, чужим.

— Скоро ваша остановка? — спросил Сергей Никитич, ощущая смутное беспокойство. Зачем ему подниматься и почему такой тон?

Зоя стояла посреди купе, одетая по-дорожному, с лицом бледным, некрасивым и злым.

— Я жду!

— Ничего не понимаю,— пробормотал Сергей Никитич.— Что-нибудь случилось?

— Случилось. У меня пропали деньги.

— Куда же они могли пропасть?— Сергей Никитич даже улыбнулся.— Вы посмотрите хорошенько — в сумке, на полу. Некуда им пропасть.

— Я уж десять раз все осмотрела.

— Но ведь, кроме нас с вами, в купе никого не было.

— Вот именно: кроме нас с вами!— последнее слово она язвительно подчеркнула.

— Ч-что вы хотите сказать?— тихо спросил Сергей Никитич.

— То самое!— вдруг взорвалась она.— И нечего придуриваться. Ягненка из себя строит. Долго я буду ждать?

Вся кровь отхлынула от головы Сергея Никитича. Его забил такой дикий озноб, что он нипочем не мог застегнуть пуговицы рубашки. Не хотелось верить. Неужели она действительно думает так? Но ведь этого не может быть, это просто невозможно!

— Одейся наконец?— брезгливо сказала Изольда.— А теперь давай деньги.

— Как в-вам не стыдно,— Сергей Никитич укоризненно покачал головой, все еще надеясь, что женщина сейчас опомнится, придет в себя и они вместе будут искать пропажу.

— Не надо меня стыдить и незачем изображать казанского сироту, со мной такие детские номера не проходят. Короче, если мой кошелек через две минуты не будет лежать на этом столе, я вызываю милицию.

— Вот даже как? — горько усмехнулся Сергей Никитич. — Ну что ж, зовите!

— Значит, добровольно не отдашь?

— Выходит, не отдам.

Изольда рванулась к двери.

— Проводник! — громко позвала она. — Скоро будет остановка?

— Скоро, минут через семь,— неторопливо подходя, ответила Нина Семеновна. — А что случилось-то?

— Пригласите сюда милиционера. Вот этот у меня деньги украл. — Она! — удивилась проводница. — А хорошенько ли поискали? Может, завалился куда кошелек-то?

— Если бы завалился,— холодно отрезала Изольда,— вас бы не беспокоили.

— Мне что, позову,— промолвила Нина Семеновна и, пожав плечами, ушла в тамбур.

Поезд остановился как-то неожиданно, будто наткнувшись на невидимую преграду. Тяжко лязгнули буфера, вагон сильно трянуло, и вскоре по ногам прошла волна холодного воздуха — открыли

наружную дверь. С перрона донеслись крикливые голоса, несколько ног торопливо протопали по коридору, а потом в купе вошел человек в милицмейской форме.

— Сержант милиции Востряков, — представился он, взяв под козырек и как-то по-простоцки, вроде без особого интереса спросил: — Что тут у вас?

— У меня пропали деньги, — словно сквозь вату услышал опять Сергей Никитич, — вот он украл.

— Когда?

— Точно не знаю, во всяком случае, ночью. Вчера вечером я доставала кошелек из сумки и потом убрала его в карман пальто. А этот все видел.

— Вы видели ее кошелек? — Это уже вопрос к нему.

— Нет.

— Какой нахал, еще лжет! — возмутилась Изольда. — Да я же у тебя, подлеца, перед самым носом деньги вынимала.

— Поспокойнее, — мягко остановил ее сержант, — давайте без выражений.

— Никакого вашего кошелька я не видел, — отрешенно повторил Сергей Никитич.

— Вы уверены, что деньги взял именно он? — снова спросил милиционер.

— Станный вопрос. А кто же? Мы ехали только вдвоем, в купе ночью никто не заходил, дверь я заперла.

Нет, все это похоже было на какой-то бред. Ничего более странного, абсурдного, оскорбительного с ним никогда не случалось. Хорошо, если кошелек найдется, а если нет? Может, ночью в купе побывал вор, у которого есть отмычка? «Если это так, то я даже не смогу доказать, что невиновен», — с нарастающей тоской подумал Сергей Никитич.

— ...Не имею права.

— То есть как это не имеете права? На ваших глазах совершается уголовное преступление, а вы не хотите принимать никаких мер!

Он, кажется, что-то прослушал. Изольда теперь уже кричала на сержанта.

— Я настаиваю, чтобы вы его обыскали! Деньги здесь, это точно, из купе он не выходил.

— Но я же вам объяснил, — сержант говорил спокойно, однако с еле уловимой досадой: — Если товарищ разрешит, можете посмотреть сами.

Сергея Никитича снова начал бить озноб. Что же получается? Выходит, он сам, добровольно должен дать разрешение на обыск. Как это будет? Он разрешит, и эта обезумевшая женщина станет лазать по его карманам? Нет, довольно унижений. Но ведь надо установить хотя бы половину истины, доказать свою невиновность. Где выход?

Он поднял глаза на милиционера. В первый раз. И увидел, что

у сержанта совсем юное, усталое — очевидно, после ночного дежурства — и словно бы виноватое лицо. А во взгляде его Сергей Никитич прочел тайную мольбу: «Дорогие мои, разберитесь как-нибудь сами». И догадался, почти с облегчением и благодарностью, что этот парень в милицейской форме верит ему, верит.

— Ладно, — Сергей Никитич решил, с трудом унимая дрожь в голосе, сказал: — Обыскивайте.

Изольда, вопросительно взглянув на милиционера, шагнула к Сергею Никитичу.

— Только не прикасайтесь! — со сдерживаемым бешенством произнес он. — Я сам... Вот мое портмоне, вот деньги, шесть рублей. Не ваши?

— Ты мне очки не втирай! — озлилась Изольда. — У меня было сто пятьдесят рублей, и ты это великолепно знаешь.

Дрожащими руками Сергей Никитич вывернул все карманы, распахнул пиджак, снял туфли.

— Все? Довольны? — задыхаясь, спросил он.

— При нем нет, как и следовало ожидать, — невозмутимо заявила Изольда. — Надо осмотреть верхнюю одежду, постель и чемодан.

— Мне можно выйти, чтобы не мешать? — обратился Сергей Никитич к сержанту. — Только вы, товарищ милиционер, пока не уходите, пусть она шарит в моем чемодане при вас.

В коридоре было сумрачно и гулял сквозняк — двери почему-то не закрывались. На полотняной дорожке, которая еще вчера вечером радовала глаз своей непорочной чистотой, грубо отпечатались следы больших грязных подошв. Было почти физически больно видеть эти безобразные черные пятна на белом.

За окном занимался тусклый рассвет. Мокрый пустынный перрон, старое здание вокзала с облупившейся штукатуркой, закрытый деревянными ставнями одинокий ларек выглядели в этот ранний час унылыми, навевали тоску. Почерневшие от сырости осины с жалкими остатками листвы ежились под нудным осенним дождем.

Поезд вздрогнул, со скрипом, медленно покатались под вагоном колеса.

Сергей Никитич услышал за спиной виноватый голос сержанта Вострякова:

— Больше ничем помочь не могу. Извините. — Выйдя в коридор, он дотронулся до плеча Сергея Никитича, козырнув ему, предложил: — Можете пройти в купе. — И бегом устремился к выходу.

Вот и все. А все ли? Ведь деньги-то не найдены. Дикий, нелепейший случай. В сущности, если закрыть глаза на хамство Изольды, то и ее понять можно. Кого же ей подозревать? Но как она могла?

С веником и ведром мимо прошла проводница.

— Вы уже встали? — заглянула она к соседям. — Ну, так у вас первых приберу.

— Ну-ко, ну-ко! — решительно воспротивилась Степанида Петровна. — Или у меня рук нету? Дашь мне тряпку с веником, и вся недолга. Чай, примоюсь не хуже. Сейчас вот только своих партизан расшугаю, чтобы под ногами не путались.

— Ну, смотри. Тогда уж позвольте к вам, — невесело обратилась она к Сергею Никитичу.

Он молча кивнул.

Вышла Изольда, встала рядом.

— Послушайте,— заговорила она тоном более спокойным и сдержанным, однако без малейшего намека на раскаяние,— покажите-ка мне ваш паспорт или удостоверение личности.

Сергей Никитич даже не пошевелился.

— Слышите меня? Я ведь не шучу.

— Никаких документов вы не получите,— сдерживая гнев, отвечал он.— Я и так позволил вам слишком много, гораздо больше, чем следовало. Меня в жизни никто не обыскивал.

— А может, деньги там, в паспорте?

Сергей Никитич усмехнулся. Она отлично знала, что никаких денег там нет, просто ей надо было высмотреть фамилию и адрес. Для чего? Чтобы потом сообщить в райисполком, что такой-то обокрал ее ночью в вагоне? Уж она постарается, разрисует как следует, это нетрудно предположить.

— Что вы ухмыляетесь? — в голосе Изольды впервые появились слезы. — Вам легко скалить зубы, а вот мне, мне как быть? Вы попытались хоть на секунду представить себя в моем положении? Еду в заштатный городишко, где совершенно никого не знаю, где меня никто не ждет, еду без копейки, даже на автобус нет. Или до вас это не доходит? — И приказала крикливо: — Давай сейчас же документы!

Когда Изольда заговорила нормальным человеческим голосом, в нем на какую-то долю минуты шевельнулось чувство жалости. Он живо представил ее растерянность, сумятицу, творившуюся в этой сумасбродной голове, и уже почти готов был простить. Но своим грубым окриком она смяла этот порыв. Стиснув зубы, он достал из грудного кармана паспорт, раскрыл листочками вниз, показывая, что там ничего нет, и так же молча убрал его обратно.

— Довольны? А теперь ступайте прочь!

— Знаешь, милый... — угрожающе повысила голос Изольда, но ей помешала высказаться проводница.

— Эй, барышня, или как вас? — позвала она. — Ну-ка, глядите, не ваша ли потеря?

Изольда бросилась в купе. С бешено заколотившимся сердцем шагнул следом за ней Сергей Никитич.

Нина Семеновна, покраснев от усилия, обеими руками держала на весу тяжелую диванную крышку. Пыльная утроба дивана была пуста, лишь на деревянной планке, прибитой чуть ниже петель, сиротливо

торчал кожаный квадратик с красивой перламутровой кнопкой.

— Он, что ли?

— Невероятно,— со смешанным выражением радости, смятения и испуга вымолвила Изольда, нагибаясь за находкой. Достав кошелек, она растерянно посмотрела на Нину Семеновну. — Не понимаю, как же это могло случиться? Хотя да... Ночью я озябла и набросила на себя пальто, а он, должно быть, выскользнул из кармана. А там, очевидно, щель... Да, так и есть, вон какая щель.

Изольда сбивчиво оправдывалась, обращаясь только к проводнице и боясь встретиться взглядом с ним.

— Лень было поискать-то. Эдак и совесть недолго потерять, не знаю, что дороже. — Нина Семеновна грохнула крышкой. — Теперь извиняйтесь как хотите.

Она не стала заканчивать уборку, только махнула раза два тряпкой и, сердито звякнув ведром, вышла. На пороге напомнила:

— Да не забудьте, сейчас ваша остановка. Билет и квитанция на столе.

Сергей Никитич тоже не хотел оставаться с Изольдой: любые ее оправдания были бы неприятны, извинения не нужны. Нестерпимая обида и стыд от только что перенесенных оскорблений с новой силой ударили в голову. Он ненавидел эту самоуверенную женщину. Можно было как-то ее оправдывать, пока исчезновение денег оставалось загадкой. Но ведь кошелек лежал там, стоило лишь хорошенько поискать, в конце концов она могла попросить его помочь. Нет, сразу решила, что он вор, без всяких колебаний и сомнений. Как же, у нее все люди — лгуны и потенциальные подлецы.

Из тяжелого раздумья его вывел хриловатый голос Якова Ивановича:

— С добрым утром, сосед, как ночевали? Не знаете, что за станция?

— Здравствуйте. Не знаю,— машинально отозвался Сергей Никитич, удивляясь, что поезд стоит. «Странно, как я не заметил. Когда же он остановился, только сейчас или уже прошло какое-то время?»

Непонятно было и то, что не выходила Изольда, ведь это, кажется, ее остановка. Преодолевая неприязнь, он постучал и, не дождавшись ответа, толкнул дверь.

Изольда неподвижно, как изваяние, стояла к нему спиной. Левою рукой она тяжело опиралась о край столика, правой закрыла лицо. Плакала, что ли?

— Вам, наверное, выходить,— сухо напомнил Сергей Никитич.

— Да-да. Сейчас,— каким-то бесцветным голосом ответила она, не обращившись и, видимо, сделав над собой усилие, чуть слышно проговорила:

— Я знаю, что вы не можете простить меня, что... извинения

бесполезны. И все-таки прошу... — Она запнулась. — Хоть одно слово... Я не могу уйти так...

Удивительно устроено сердце человеческое. Ведь вот только что, каких-нибудь две минуты назад, все в нем кипело от возмущения и обиды, а тут вдруг опять подкатила непрощеная жалость. Сергей Никитич противился этому чувству и в то же время ловил себя на несколько странной мысли, что Изольде сейчас не слаще, чем ему. Об этом говорила вся ее фигура, словно придавленная стыдом. «Но ведь она сама во всем виновата», — мысленно протестовал против жалости Сергей Никитич, отчетливо понимая, что сейчас он еще не в состоянии простить ее, может быть, потом, спустя какое-то время. А теперь нет.

— Одно только слово, — повторила Изольда. — Как же мне жить тогда?..

Тронулся поезд.

— Ладно, что теперь об этом говорить, — нервно произнес он, попытавшись не словами, а лишь интонацией передать то, чего она ждала. Но так как Изольда продолжала стоять, крикнул с досадой: — Да идите же, не думайте ни о чем!

Она повернулась, взяла сумку и, не поднимая головы, вышла из купе.

Долго еще не мог успокоиться Сергей Никитич. Болела голова, не унималась противная дрожь в руках. Заходил Яков Иванович по поручению супруги, приглашал завтракать. Он, поблагодарив, отказался, было не до еды, просто хотелось побыть одному.

Сосед, однако, не спешил уходить. Похоже, что-то его беспокоило. Попросив разрешения закурить, он без всякого перехода принялся рассказывать о своем вчерашнем госте. По его словам выходило, что это необыкновенная личность, настоящий артист в своем деле, другого такого не только в их городе, а и в самой Москве не найдешь.

— Ему всякие ценные книги переплетать заказывают из музеев и даже из Академии наук. Академика Крестовского знаете, может? Сашка-то ему целую библиотеку так обработал, что сам хозяин не узнал. Вы, говорит, Александр Егорыч, настоящий ври... ври... тьфу, елки, слово такое заковыристое. В общем, если правильно понять, то выходит вроде как бы козырный туз. Вы, мол, Александр Егорыч, настоящий козырный туз.

— Виртуоз? — томясь, подсказал Сергей Никитич.

— Во-во, оно самое.

Довести до конца рассказ о необыкновенном мастере переплетного дела Якову Ивановичу помешала супруга.

— Ну не балаболка ли? — всплеснула она руками, появляясь в дверях. — Ушел и как сквозь пол провалился. А я жду, а я жду...

И, не приняв никаких отговорок и объяснений, утащила Сергея Никитича завтракать.

Стол уже был накрыт. Именно накрыт, иначе не скажешь:

всезамозможная снадзь не громоздилась навалом, как чаще всего получается в подобной обстановке, а была разложена и расставлена с отменным искусством. Ни обрывков бумаги, ни крошек, ни колбасной кожурь — чистая полотняная салфеточка, и на маленьких пластмассовых тарелках возбуждающие аппетит яства: нарезанная ровными кусочками копченая рыба, пирожки, аккуратные ломтики мяса, малосольные огурцы.

— Ну, Степанида Петровна, вы кудесница, — невольно подивился Сергей Никитич.

— Да уж вы скажете, — сконфузилась польщенная хозяйка и скомандовала ребятам: — Поели? Марш гулять!

Яков Иванович выразительно потер ладонями.

— Под огурчики-то, елки, эт-то самое... Надо бы!

— У меня есть бутылка вкуснейшего вина, — встрепенулся Сергей Никитич. — Я сейчас.

— Ну-ну-ну, — поймал его за руку Яков Иванович. — Не пойдет! Вкусное вино домой вези. Это я так, — смиренно добавил он, покосившись на жену.

Пожевав копченой рыбы, Яков Иванович стал рассказывать о переплетчике. Степанида Петровна поворчала было — неужто поговорить больше не о чем? — но так как благоверный не обратил на ее воркотню ни малейшего внимания, отступилась. Размягченный Сергей Никитич слушал с интересом, веря, что Сашка Битюгов действительно редкий мастер переплетного искусства, так же, как Яков Иванович, очевидно, непрезойденный столяр.

«А ведь они, безусловно, знают о моих злоключениях, — вдруг подумалось ему, — но хоть бы слово, хотя бы намек или вопрос. Какие славные люди...»

* *
*

И вот все позади. Скрылся за лесом поезд, затих стук колес, и не хочется ни о чем вспоминать. Но разве так просто уйдешь от невеселых раздумий? Путаются, мельтешат в голове обрывки каких-то мыслей, крутятся вокруг одного и того же вопроса: разве можно всех без разбора подозревать? «Теперь все стали дипломатами...» Вздор! Неужели трудно взглянуть истинное лицо человека, отличить подлость от честности, умного от дурака, интеллигентность от бескультурья, серость от красоты?! А может, и в самом деле не всегда хочется отличать черное от белого — по лености, по трусости или просто потому, что так бывает удобней. Однако хватит об этом, хватит.

Хорошо шагать по мокрому асфальту, усыпанному золотыми листьями берез. Правильно сделал, что не пошел напрямик, проселок после дождя наверняка раскис, в фасонных туфельках не сунешься. Крюк, конечно, немалый, но не беда, проветриться полезно.

Дорога идет мимо благоустроенных дач. Они тут появились недавно, в прошлом или позапрошлом году. Не то артисты облюбовали это местечко, не то знаменитые спортсмены — толком Сергей Никитич не знает. Домишки красивые — с мезонинами, большими верандами и расположены хорошо: вокруг столетние дубы, березы, а там, на задах, плодовые кустарники. Дорогие, надо полагать, дачки.

На крыльцо ближнего домика вышел кудрявый молодой мужчина в ярко-малиновом тренировочном костюме с заграничными этикетками и молниями. Он потянулся и, устремив задумчивый взгляд в глубину сада, мягким баритоном позвал:

— Вадик!

Постоял немного, вслушиваясь в тишину, и ласково повторил свой зов:

— Вадик!

Откуда-то издали донеслось недовольное:

— Ну чего тебе?

— Иди жрать! — без церемоний приказал спортсмен.

Сергей Никитич от неожиданности засмеялся. Кудрявый быстро повернул голову, нахмурился и, хлопнув дверью, ушел в дом.

Забавная эта сценка развеселила Сергея Никитича. Он шел, посмеиваясь и время от времени подражая бархатному голосу кудрявого, повторял про себя: «Ва-адик, Ва-адик! Иди жрать!»

Выглянуло неяркое солнце, мокрая дорога заблестела. Впрочем, скоро асфальт кончился, знакомая тропинка запетляла к березовой рощице, откуда уже хорошо видны были крайние домики родного села.

ОСКОЛКИ

Накануне было пасмурно и почти весь день, с небольшими перерывами, шел мокрый, липучий снег. А ночью подморозило, прояснилось, и когда на другое утро Алексей Иванович выглянул в окно, то невольно зажмурился от слепящего света. Он исходил от покрытых снегом крыш, деревьев, кустов; буквально все вокруг сверкало под ярким мартовским солнцем, лишь на широком газоне возле больничного корпуса лежала косая тень.

Впрочем, на припеках уже начало подтаивать; деревья, расправляя застывшие ветви, понемногу стряхивали с себя снег. Раньше всех отогрелась старая береза, растущая в укромном углу перед самым окном палаты. Время от времени невесомый комочек снега срывался с какой-либо ее ветки, и тогда казалось, будто белая птаха стремительно слетала к земле.

Подмерзшая за ночь асфальтовая дорожка медленно отпотевала. Сперва на ней появились сырые темные пятна, а чуть погода тонкий

ледок на луже растаял, и будто пыль смахнули с зеркала — тотчас отразился в нем весь окружающий мир: кусочек синего неба, верхушки голых деревьев, часть освещенной солнцем садовой скамьи. Все чаще и звонче стучала о подоконник капель.

Какое-то необъяснимо радостное чувство охватило Алексея Ивановича. Наверное, его можно было бы сравнить с состоянием художника, который приготовился писать весенний этюд: он видел каждую сережку на березе, любую алмазную капельку на кончиках ветвей, слышал или угадывал все звуки пробуждающейся природы, и душа его восторженно им отзывалась. Алексей Иванович радовался приходу весны. И сам удивлялся этому своему настроению, потому что давно уже, наверно, с юношеских лет, не испытывал такого легкого, пьянящего чувства.

«Даже странно как-то,— думал он, улыбаясь про себя,— словно в детстве. Отчего бы это?» И догадался вдруг: у него нигде не болело. Впервые за полгода боль, которая все это время жила в нем, с которой он засыпал и просыпался, вдруг затихла, как бы исчезла совсем. Алексей Иванович даже дыхание затаил — не ошибся ли? — и, ничего не ощутив, опять радостно подумал: «Надо же, будто в молодости».

Так неужели полгода прошло?.. Да, тогда был сентябрь. Такой несчастливый сентябрь... Хотя все могло окончиться гораздо хуже. Замешкайся он хотя бы немного, и было бы поздно; страшно даже подумать, какое могло произойти несчастье, он не простил бы себе никогда...

Это случилось на Тихом озере. Алексей Иванович бывал здесь и раньше, но ездил обычно один, а тут напросился в компанию Юрий. Рыбалка получилась так себе. Правда, с утра надергали десятка два окуней, на уху хватило, а после полудня клев прекратился совсем. Тем не менее Алексей Иванович продолжал терпеливо ожидать рыбацкой удачи, сын же ушел, как он выразился, «побродить по окрестностям ради познания всякого рода мест».

День выдался пасмурный и по-осеннему печальный, казалось, вот-вот соберется дождь, поэтому отдыхающих в отличие от прошлых выходных заметно поубавилось. Прогулочные шлюпки профсоюзного дома отдыха, расположенного наверху, праздно стояли у причала, по берегам не было видно ни одного семейного бивака, лишь дымили тут и там два-три костра, да посреди озера в резиновой лодке дремал одинокий рыболов. Наверное, ничто не нарушило бы до конца дня этого грустного покоя, если б не пьяные выкрики, которые вперемежку с магнитофонной музыкой стали доноситься из-за поросшего тальником бугра. Они бесцеремонно вклинились в колдовскую тишину осеннего дня, рвали ее на клочки, вызывая недоумение и досаду.

У Алексея Ивановича к Тихому озеру особое отношение. В конце лета 1942 года он здесь был ранен во время минометного обстрела,

правда, не очень сильно, однако несколько мелких осколков, застрявших где-то под ребрами, так и таскает в себе до сих пор. После войны собирался лечь на операцию, чтобы избавиться от фашистского гостинца, да все как-то не получалось: в первый раз, когда надумал, друзья отсоветовали, а в другой — сам хирург. «Сильно беспокоит?» — спросил он. «Да нет, не очень». «Так, может, и не стоит трогать? Я знаю человека, у которого с войны пуля в шее сидит. Операция связана с большим риском, благополучный же исход гарантировать трудно. Так с пулей и живет».

Постепенно Алексей Иванович почти и вовсе забыл о своих осколках, хотя там, в подреберье, временами неприятно покалывало, особенно к непогоде; если же щупал это место пальцами, оно отзывалось острой, обнаженной болью. В такие минуты он с тайной тоскою, в которой не признавался никому, думал: «Когда-нибудь эти чертовы железяки дадут мне жизни. Не дай бог, ударюсь обо что — так и околею на месте».

В первый раз он собрался съездить на Тихое озеро лишь в середине пятидесятых годов. Поехал как бы на рыбалку, но мечтал походить по знакомым местам и попытаться найти могилы погибших здесь друзей. Однако вышло все совершенно не так, как Алексей Иванович с волнением и трепетом себе представлял. Он едва узнавал окрестности озера: на месте бывших землянок и блиндажей стояли двухэтажные кирпичные дома, лужайки густо заросли мелколесьем...

Из той поездки Стрельцов вернулся опустошенный и расстроенный, словно потерял что-то безвозвратно. А спустя несколько лет отправился на Тихое озеро вновь, уже с намерением просто порыбачить, — и с той поры стал наезжать сюда ежегодно.

...Пьяная компания на какое-то время затихла. Однако вскоре там опять раздались крики и гогот. Алексей Иванович уже подумывал о том, чтобы уйти подальше, к причальным мосткам, где по утрам обычно рыбачил сторож дома отдыха одноглазый Митрич. Он даже начал понемножку сматывать первую удочку, как слух его уловил неясный страдальческий крик. Было похоже, что где-то зывали о помощи. Отложив снасть, Алексей Иванович обеспокоенно встал, прислушиваясь, и через несколько мгновений уже совершенно отчетливо услышал отчаянное: «Сюда, на помощь!» Кричала женщина, сдавленный голос ее долетал оттуда, из-за бугра, где шумели пьяные.

Алексей Иванович, не раздумывая, побежал на голос, но бежать было трудно, мешали кучи щебня и камней, нагроможденных здесь вдоль берега, он боялся не успеть и почти обрадовался, увидев ту, которая звала на помощь. Это была девушка лет семнадцати, растрепанная, бледная, с расширенными от пережитого страха глазами. Спотыкаясь и чуть не падая, она бросилась к нему навстречу, выкрикнула панически:

— Скорей!.. Там человека убивают...

То, что увидел Стрельцов выскочив на укрытый кустами пляжик, едва не лишило его рассудка. Трое пьяных парней с перекошенными от злости лицами наступали на Юрия — как он тут оказался, зачем? — а тот пятился назад, к воде, выставив перед собой руки, чтобы вовремя отвести удар. Один из парней, одетый в щегольской спортивный костюм, держал большой грязный камень; в руках у другого, обросшего густой рыжей бородой, был обломок доски с торчавшими из нее ржавыми гвоздями; а третий, похожий на девицу, лихорадочно шарил глазами по земле в поисках какого-нибудь орудия. Все это Алексей Иванович охватил взглядом мгновенно, словно при вспышке молнии, и в тот самый миг, когда рыжебородый занес доску над головой Юрия, Стрельцов с криком метнулся к нему и толкнул обеими руками с такой силой, что тот отлетел метра на два и, не удержавшись на ногах, наотмашь шлепнулся в воду. Юрий успел увернуться от брошенного в голову камня и ловким приемом придал к земле «спортсмена». Вспомнив о третьем, Алексей Иванович быстро обернулся, но успел увидеть лишь взметнувшуюся ногу в остроносом ботинке и тут же упал без сознания от страшного удара в грудь...

О том, что произошло потом, Стрельцов узнал уже в больнице, куда его в тяжелом состоянии отвезли на машине дома отдыха. Двое хулиганов убежали, третьего Юрий сумел задержать и с помощью двух подоспевших рыболовов отправил в милицию.

В больницу приезжал следователь, интересовался кое-какими деталями и подробностями. Он сообщил, что задержана вся компания, и дело, по всей видимости, передадут в суд, решение которого в определенной степени будет зависеть от состояния здоровья потерпевшего, то есть Стрельцова.

Что касается здоровья, дело пока обстояло не очень-то хорошо. После того злополучного дня Алексей Иванович провалялся в больнице почти полтора месяца. Лишь перед Октябрьскими праздниками, и то с большими оговорками, его выписали домой. Дело заметно пошло на поправку (дома, известно, и стены помогают), но с наступлением холодов состояние снова ухудшилось. Алексей Иванович стал постоянно зябнуть. Он кутался во все теплое, надевал по двое шерстяных носков, клал под одеяло горячую грелку, однако озноб все равно не проходил, и тогда Стрельцов понял, что причиной всему отнюдь не ранние холода, а почти не прекращавшиеся боли.

Часто во сне Алексей Иванович видел берег Тихого озера и того озверевшего парня с доской, из которой торчали большие ржавые гвозди. Он бросался к Юре, чтобы защитить его, прикрыть своим телом, и, боясь не успеть, умоляюще кричал: «Не надо! Не надо!..» И просыпался от собственного крика, с бешено колотящимся сердцем и саднящей болью в груди. Щелкал выключатель ночника, жена, испуганно глядя на него, горестным шепотом спрашивала: «Опять

болит! Может, неотложку вызвать?» На что он, стараясь улыбнуться, тихо отвечал: «Ну, вот еще, только неотложки нам не хватало. Просто сон такой приснился... Напугал я тебя? Ты уж прости... Спи. Постараюсь больше не шуметь».

Алексей Иванович гасил свет и тихо, на ощупь, доставал таблетку.

В середине февраля после тяжелого приступа Стрельцова вновь положили в больницу. Его привезли поздно вечером, часов в десять, и все, что с ним делали — брали кровь, кололи, ставили капельницу, — Алексей Иванович воспринимал с полным безразличием, а точнее сказать, никак не воспринимал, словно это совершенно его не касалось. Потом впал в забытие...

Проснулся, по всей видимости, уже глубокой ночью. И сразу увидел тревожно глядевшие на него из полумрака палаты глаза молодого человека. Это был дежурный врач-ординатор.

— Поспали немножко? — тихо произнес он и вроде бы улыбнулся. — Дайте-ка вашу руку.

Он присел на край кровати, стал щупать пульс. У доктора было почти мальчишеское простоватое лицо с веснушками, светлые брови, серьезные и в то же время добрые голубые глаза.

— Сильно болит? — спросил он. — Вы почти все время стонали во сне.

Алексей Иванович помотал головой и хотел было по обыкновению ответить какой-нибудь шуточкой, но вместо этого, против воли своей, признался:

— Болит.

— Сейчас у вас снова возьмут кровь. Посмотрим...

— Хорошо.

— А пока, до прихода сестрички, давайте давление измерим...

Доктор всматривался в него не то с сочувствием, не то с затаенным беспокойством и вдруг спросил:

— А может, нам теперь операцию сделать?

«Видно, дело табак; совсем, значит, положение никудышное, — тоскливо подумал Стрельцов. — Не надеется, что и до утра дотяну... Днем-то бы, конечно, лучше, там все врачи в сборе, а сейчас этот мальчик, наверно, на все отделение один, в случае чего и посоветоваться не с кем...» А вслух сказал как бы с укором:

— Что ж меня-то спрашивать? Откуда я знаю?.. Если считаете, что надо, давайте сейчас.

Молодой человек, должно быть, угадал его мысли.

— Тогда так, — решил он, немного подумав и поглядев на часы. — Вам сделают укольчик, а через час я приду. Если боль не утихнет, будем оперировать...

Алексей Иванович остался один. Правда, в душноватой и зыбкой тишине палаты, кроме него, было еще двое больных, но они спали, похрапывая и постанывая во сне, и Стрельцовым овладело чувство

одиночества и какой-то отрешенности. Судя по всему, жизнь его теперь висела на волоске. Алексей Иванович подумал об этом без малейшего страха и жалости к себе: в сущности, пожил достаточно, и, если быть честным, польза от него обществу не так-то уж велика. Жаль было только жену и детей, он чувствовал себя как бы виноватым перед ними; вспоминались разные случаи, когда невзначай обидел того или другого, утешала лишь мысль о том, что сумел уберечь сына. Как хорошо, что успел тогда на Тихом озере. А Юрий молодец, троих не испугался, девочку от беды спас.

Юра был младший в семье, последышек. Недавно ему исполнилось восемнадцать, скоро в армию. Это хорошо, думал Алексей Иванович, окрепнет там, закалится, здоровье-то не ахти какое. Впрочем, сам Юрка так не считает и очень не любит, когда мать со старшей сестрой вдруг примутся его жалеть. И правильно, что не любит, жалость юноше ни к чему. В принципе Алексей Иванович всегда стоял за спартанское воспитание. «Парень должен расти самостоятельным, мужественным, смелым, — считал он. — И, уж само собой, благородным и честным. Во все времена признаком настоящего мужчины считалось рыцарство, каким бы словом его ни называли».

Между прочим, по этому поводу с ним любил поспорить сосед — механик автогаража, полагавший, что порядочность, а тем более рыцарство — понятия совершенно старомодные и, кроме неприятностей, принести ничего не могут. «Какой вздор!» — сердился Стрельцов. «Не вздор, а простая арифметика, — стоял на своем механик. — На одного благородного всегда трое неблагородных найдутся, а то и больше. И вашему рыцарю несдобровать». Алексей Иванович только пожимал плечами и невольно возвращался мыслями к сыну, который со своей прямолинейной непримиримостью к любым аморальным поступкам действительно уже не раз набивал себе шишки. У Юры было много друзей, в школе его уважали, но случались и неприятности, бывали и прямые угрозы. В эти дни Алексей Иванович не мог отделаться от тайного беспокойства и предчувствия беды...

Утомленный своими печальными раздумьями, Стрельцов уснул, и доктор, заглянув в палату, не стал его будить.

Операцию сделали в тот же день, сразу после консилиума. Продолжалась она около четырех часов, и, хотя, по мнению врачей, прошла вполне благополучно, состояние Алексея Ивановича еще долго оставалось тяжелым. Больше недели он пролежал в реанимационном отделении, однако и этим дело не кончилось: вновь открылась рана, и его вторично положили на операционный стол.

Уже вторая половина марта пошла, когда Стрельцова перевели наконец в эту палату. Только теперь он поверил, что будет жить. Палата была маленькая, на три койки, и очень светлая. На подоконнике в бутылке из-под кефира стоял полусохший букетик гвоздик, а со двора в окно заглядывали голые ветви березы.

Две койки пустовали, на третьей поверх одеяла лежал седой сухощавый мужчина с газетой в руках. Он сразу сел, отложив газету и сняв очки, дружелюбно, будто долгожданного гостя, приветствовал:

— С прибытием вас! Вот и опять мы в полном составе.

— Ваша койка левая, — сказала доставившая его сестра. — Сейчас я помогу вам перебраться...

— Всего два часа как освободилась, — продолжал сухощавый. — Паренек тут после аппендицита лежал, уже выписался. А на этой койке, напротив, Василий Михайлович Чумаков спит, архитектор без ноги. Может, видели, по коридору прыгает? Часа на месте не посидит — врачи велели больше ходить, вот он и старается... Ну что ж, давайте знакомиться. Меня зовут Павлом Сергеевичем, а вас?..

У Павла Сергеевича были бойкие карие глаза, весело глядевшие из-под седых кустистых бровей, и казалось, что этот подвижный, разговорчивый человек с энергичным хрипловатым баском вовсе не болен и очутился в больничной палате совершенно случайно.

Как только сестра ушла, он угостил Алексея Ивановича яблоком и, вернувшись к себе на койку, стал рассказывать о Чумакове:

— Это, брат, героический человек! Всю войну пулеметчиком прошел. Имел, конечно, ранения, но все обходилось. И ведь надо: перед самой Победой, восьмого мая ногу потерял под Прагой — на mine подорвался. Скажи, обидно, а?.. И ничего, привык. Отличный парень, вот увидишь. Недели две назад ему операцию сделали, подлатали немножко. Теперь вот бегаёт — протез пристегнет и пошел махать...

— А вы? — спросил Алексей Иванович. — У вас тоже операция была?

— Нет, — Павел Сергеевич немножко погрустнел, — у меня с операцией дело не выходит. Ноги отнимаются, а оперировать, говорят, нельзя. Какой-то глубокий этот... склероз, что ли. Зябнут сильно, прямо коченеют другой раз.

— Стало быть, лечат вам их?

— Лечат, а как же! — с явным уважением к медицине сказал Павел Сергеевич. — На барокамеру хожу. Уже двенадцать сеансов принял. Вроде помогает.

— И давно у вас так с ногами?

— Да тоже, считай, с войны. — Он как-то неопределенно махнул рукой и после некоторой паузы уважительно сообщил: — А про вас нам уже Олег Степанович рассказывал. Говорит, целую горсть осколков выгребли, хоть в переплавку отправляй. Это ж надо — столько лет!..

Алексей Иванович с усилием улыбнулся.

— Вы, наверно, устали, — догадался Павел Сергеевич, — вам вздремнуть надо, а я со своими разговорами...

— Нет, нет, что вы, пожалуйста, я с удовольствием слушаю, —

поспешил успокоить его Алексей Иванович,— просто говорить мне пока трудновато, так вы не обращайтесь внимания.

— А я, ты знаешь, скучаю,— перешел вдруг на «ты» Павел Сергеевич,— не могу в больнице долго быть, и все тут, тоска грызет. Книжки, которые приносили, прочитал все... У тебя нет ли чего почитать?

— Нет, к сожалению... Есть, правда, одна книжца, но, думаю, она будет неинтересна.

— Почему? Мне все интересно.

— Это... моя книжка, я ее автор.

— Твоя? — изумился Павел Сергеевич.— Так ты что же... писатель?

— Ну вот, сразу и писатель... Книжка краеведческая. Вышла вот только что, ее уже сюда, в больницу, прислали... Если хотите посмотреть, пожалуйста, она вон в том свертке.

Павел Сергеевич проворно подошел к подоконнику, куда сестра сложила вещишки Стрельцова, достал книгу и, почтительно разглядывая ее, вернулся на свою койку. Больше он не произнес ни одного слова — читал.

Перед ужином вернулся с прогулки третий сосед. Он вошел в палату размашисто, покачиваясь из стороны в сторону, как старый боцман, и далеко откидывая левую ногу с протезом. Улыбнулся приветливо, подал Алексею Ивановичу руку, представился:

— Чумаков.

— Ты знаешь ли, голова, кого нам поселили? — встрепенулся Павел Сергеевич. При этом голос у него был такой, словно в лице Алексея Ивановича он видел редчайшую знаменитость.— Посмотри-ка, что я читаю...

Чумаков взял из рук Павла Сергеевича книжку, полистал.

— Хм, любопытно! Когда прочтешь, мне дай.

У Василия Михайловича приятное широкоскулое лицо, курносый нос, немного печальные глаза. Говорит он спокойно и неторопливо, слегка растягивая каждое слово.

— Сейчас завернул я к диетсестре,— сообщил он, сев на койку и прилаживая поудобнее левую ногу,— сказал, чтобы не носили больше еду в палату, хватит, сам буду ходить.

— Правильно,— одобрил Павел Сергеевич.— Нога-то как?

— Побаливает немножко, куда денешься. Но полегче стало... Вихревую ванну предложили делать.

— Это ерунда,— пренебрежительно отмахнулся Павел Сергеевич.— Плесни в стиральную машину скипидару и становись, вот она и вся вихревая ванна. Барокамера — другое дело...

— Сколько сеансов тебе осталось?

— Три.

— А потом?

— Кто его знает. Олега Степановича спросил, так он знаешь что ответил? Если, говорит, лучше не будет, отрежем обе ноги, и дело с концом.

— Так прямо и бабахнул?

— А что ему! Он операции делает, как в карты играет... Да проживу и без ног. Мне еще до больницы ребята на заводе говорили: мол, ежели что, не робей, пропасть не дадим и работу подберем подходящую...

Павел Сергеевич рассуждал по-прежнему бодро, однако голос его начал немножко подрагивать. Чумаков заволновался:

— Ты этим не шути. В таком возрасте ногу отрезать, знаешь... Это я в двадцать два года ее потерял, так быстро все срослось, а тут... — На добром лице Василия Михайловича отразилась такая озабоченность и тревога, словно вопрос об операции был уже окончательно решен. Потом, как бы отгоняя беспокойные мысли, он решительно мотнул головой: — Да пошутил, наверное, Олег Степанович, в шутку сказал.

— Наверно, пошутил, — согласился Павел Сергеевич. — А то мы лезем со своими расспросами: как да что? Небось, надоело отвечать. Да и откуда он знает, что с такими никудышными ногами делать...

На другое утро Павел Сергеевич, поднявшись раньше всех и аккуратно заправив постель, убежал за газетами.

— Это у него вроде домашней обязанности — на всю палату газеты покупать, — сообщил Чумаков. — И сам без «Правды» не может, с нее день начинается, и других прессой обеспечивает. — Он задумчиво улыбнулся. — Старая рабочая закваска. Знаете, где он работает? На крупном машиностроительном заводе. Не то начальник производства, не то главный технолог. За какое-то изобретение Государственную премию получил...

Неторопливо рассказывая о соседе, Василий Михайлович колдовал над своей культей: что-то перематывал, смазывал, бинтовал... Вечером и ночью он пользовался костылями, которые лежали у него под койкой — только руку протянуть, а на день пристегивал протез. Управившись с этой работой, раскрасневшийся и вспотевший от напряжения, Василий Михайлович встал и, как бы привыкая, сделал два-три шага по палате.

— Проветрить бы надо, — сказал он. — Вы укройтесь поплотнее, чтобы не простудиться, а я фрамугу ненадолго открою.

На что Стрельцов просил совершенно о нем не беспокоиться, ибо он никаких сквозняков не боится.

— Это вы раньше их не боялись, — возразил Василий Михайлович, — а теперь, после операции, совсем другое дело. — И, с легким стуком открыв фрамугу, спросил, не нужно ли принести чаю или еще чего-нибудь. — Ежели что понадобится, не стесняйтесь, говорите — хоть мне, хоть Павлу Сергеевичу, нам ведь ничего не стоит, оба на ногах...

Алексей Иванович молча, растроганно кивал, стараясь не показать подступивших к глазам слез...

Выздоровление шло медленно, однако благодаря соседям Стрельцов не ощущал ни малейших признаков той недужной тоски, которая нередко овладевает людьми, надолго прикованными к больничной койке. Единственное, что его удручало, так это собственная беспомощность. Видеть, как о тебе заботятся, принимать эту заботу и не иметь возможности ничем на нее ответить было неловко и стыдно.

Дня через три Алексей Иванович попытался сесть. Чтобы помочь ему, Павел Сергеевич привязал к спинке кровати выпрошенное у нянечки старое полотенце. Но первая попытка кончилась неудачей: от острой боли, опалившей живот и грудь, Стрельцов упал на подушку и минут десять лежал, не двигаясь, чувствуя, как со лба скатываются капли холодного пота.

Надо было учиться ходить, а им после этого случая овладел непреодолимый страх: казалось, если встанет, непременно порвутся швы, и его снова увезут на операцию.

И все-таки он однажды встал, даже не встал, а вскочил, забыв о боли и страхе. Причем случилось это глубокой ночью.

Василия Михайловича почему-то по ночам мучила жажда, и он обычно с вечера приносил себе стакан чаю или ставил на тумбочку банку с водой. А в этот раз то ли забыл, то ли уснул раньше времени, но оказался без питья. Проснувшись среди ночи, Чумаков, не зажигая света, пошарил по тумбочке, тихо звякнув ложкой, потрогал пустой стакан и начал вставать. Алексей Иванович, страдавший бессонницей, слышал, как сосед осторожно, чтобы не производить шума, доставал костыли, прилаживался, как с легким скрипом прошел к умывальнику. Щелкнул выключатель, на мгновение из открывшейся двери полыхнул в темноту палаты яркий электрический свет... И вдруг грохот, звон разбитого стакана, треск полетевших на кафельный пол костылей.

Он упал! Словно вскрикнуло что-то в Стрельцове болезненно и громко. Он упал там... Не помня себя, не замечая остро пронзившей боли, Алексей Иванович соскочил с койки и бросился к умывальнику.

Василий Михайлович уже поднялся с пола, держась мелко дрожащей рукой за край раковины и пытаясь достать костыль.

— Ничего, ничего,— сконфуженно улыбаясь, говорил он,— поскользнулся, видно. Спасибо, я сам...— И вдруг удивленно и испуганно взглянул на побледневшего Стрельцова: — А ты-то как?.. Зачем ты?..

Утром происшествие это горячо обсуждалось.

— Ну что же вы меня-то не разбудили? — корил их искренне огорченный Павел Сергеевич. И винулся, как в смертном грехе: — Ей-

богу, ведь ничего не слышал. Уж больно крепко сплю, проклятый, хоть из пушки пали.

А спустя час, когда сестра принесла таблетки и градусники, Павел Сергеевич похвастался:

— У нас сегодня новость: Алексей Иванович пошел!

...И вот наступил день, когда боль исчезла совсем. В перевязочной Стрельцов улыбался и чувствовал себя так, словно его ожидало разрешение ехать домой.

— Ну, Алексей Иванович, сегодня вы мне определенно нравитесь,— говорила хирург Вера Андреевна, и в ее грубоватом голосе слышалась откровенная радость.— Дай-ка мне, Манюня, пинцет и ножницы да пригласи, голубушка, Олега Степановича, пусть на минутку зайдет.

Стрельцов лежал на перевязочном столе, закатав до подбородка рубаху и находясь в привычном состоянии полубезразличия ко всему, что с ним сейчас будут делать. К уколам он давно притерпелся, боли не чувствовал и даже к тому, что Вера Андреевна обращалась с ним, как с ребенком, привык.

Пожилая маленькая медсестра Мария Кузьминична, которую Вера Андреевна иначе, как Манюней, не называла, проворно двигалась по перевязочной, умело и сноровисто делая свое дело и время от времени вставляя какое-либо замечание или сердитое словцо. Больные уверяли, что Мария Кузьминична работает здесь со дня открытия больницы и знает больше любого врача.

— Потерпите немножко, голубчик.— Вера Андреевна неосяземо прикоснулась пинцетом к тому месту, где только что была наклейка.— Так больно?

— Нет,— помотал головой Алексей Иванович.

— А так?

— И так нет. Да вы не спрашивайте, Вера Андреевна, делайте что нужно,— благодушно разрешил он.— Это я после первой операции от каждого укола вздрагивал, а теперь закалился — вообще уже ничего не чувствую и не боюсь,— и добавил как бы в шутку:— в чем вижу главное свое преимущество.

— Что-то не нравится мне это ваше преимущество,— нахмурилась Вера Андреевна.— Ну-ка, а здесь... Не больно?.. А вот тыкаю пинцетом, неужели не чувствуете?

— Немножко чувствую,— после некоторой паузы согласился Алексей Иванович, чтобы ее успокоить...

— Сейчас я вам тут краешки обработаю. Манюня, помоги-ка...

В перевязочную стремительно вошел Олег Степанович. Быстро помыл руки, приблизился к столу. Минуты две он, деловито похмыкивая, осматривал швы, затем сказал, как отрезал:

— Все отлично. Можно разрешить прогулки на свежем воздухе. С сегодняшнего дня.

Олег Степанович намного моложе Веры Андреевны, ему от силы лет тридцать пять, и опыта, конечно, меньше, чем у нее, но он заведует отделением и без его мнения нельзя, — так думалось Стрельцову. В отличие от Веры Андреевны Олег всегда и ко всем одинаково строг. Очки в толстой оправе, аккуратные усики, быстрая — так, что разлетались полы халата — походка, твердый голос — все как бы подчеркивало в нем аккуратность, уверенность в себе и абсолютную правильность принимаемых им решений. И следует заметить, это воспринималось окружающими безоговорочно, вселяя в больных надежду, что все идет как надо.

Вера Андреевна, однако, усомнилась:

— Сегодня, может быть, на улицу еще рановато. Вот здесь надо немножко подсушить...

— Ничего, ничего, это не повредит! — Олег Степанович поправил очки и уже на ходу, словно в чем-то упрекая Стрельцова, назидательно добавил: — Больше двигайтесь, больше!

— Да уж теперь-то мы подвигаемся, погуляем, — с грубоватой ласковостью приговаривала Вера Андреевна, наблюдая, как Манюня быстро и ловко накладывает повязку, — теперь что не гулять, все страшное позади.

Стрельцов слышал от кого-то, что Вера Андреевна была хирургом еще во время войны, прошла с Первым Украинским фронтом до самого Берлина и столько раненых солдат на ноги поставила — на целый батальон хватило бы, а может, и на весь полк. И верно, что-то осталось в ней от тех фронтовых лет — и в этой как бы солдатской сухопарости, и в грубоватом, почти мужском голосе, и в темном с глубокими складками энергичном лице.

— Все тревоги позади, — повторила она. — А было отчего тревожиться. Двенадцать железок из тебя вытащили.

— Много, — согласился он.

— Да... — Лицо ее вдруг затуманилось, утратило привычную невозмутимость. — Если б кто посчитал, сколько этого проклятого железа наши мальчики за войну приняли...

Наверно, и он представлялся Вере Андреевне таким же мальчиком, каких пластовала она, возвращая к жизни, в полевых госпиталях. Алексею Ивановичу невольно подумалось об этом, когда Вера Андреевна, проведя рукой по его седым волосам, участливо спросила:

— Тебя-то где угораздило?

— Еще под Москвой. Да это так, почти случайно.

— А чего смеешься?

— Забавно спросили. В детстве родная матушка меня так спрашивала. Придешь домой с царапиной или шишкой на лбу, а она: «Где тебя угораздило?»

Вера Андреевна тоже улыбнулась и, продолжая думать о своем, невесело произнесла:

— Случайно... На войне почти все ранения случайными были, редко кто сам себя под пули или под осколки снарядов подставлял...

Вернувшись из перевязочной, Стрельцов с некоторым удивлением увидел двух незнакомых мужчин в накинутых на плечи больших халатах. Один из них, внушительной наружности, с надменным холеным лицом, сидел на стуле возле его койки, нетерпеливо постукивая пальцами по элегантному портфельчику. Другой с видом полнейшего равнодушия ко всему стоял у окна. Это был парень лет семнадцати, лицо его, наполовину скрытое девичьими завитыми волосами, показалось Алексею Ивановичу немного знакомым.

— К тебе гости, — сообщил Павел Сергеевич. — Может, мне выйти?

— Зачем же? — возразил Стрельцов, беспокожно разглядывая посетителей.

— Ну, я не буду мешать, — тотчас заверил Павел Сергеевич. Он достал из стопки газет «Красную звезду» и, нацепив очки, завалился на койку.

Покосившись на него с явным неудовольствием, старший незнакомец обратился к Стрельцову. Надменное выражение сбежало с его лица, полные губы раздвинулись в улыбке.

— Да, мы к вам, Алексей Иванович, — промолвил он с легким выразительным вздохом, из которого можно было понять, что этот не очень желательный визит важен как для них, так и для него.

«Где же я видел этого смазливово неприятного парня?» — снова обеспокоенно подумал Стрельцов, бросив взгляд на молодого человека, который всем своим видом показывал, что ему претит вынужденная необходимость находиться здесь.

— Я слушаю вас, — сказал Алексей Иванович, — хотя... простите, никак не могу припомнить...

— Это естественно, — снова ненатурально улыбнулся гость. — Что ж, давайте знакомиться: Семен Григорьевич Даров и мой сын Кирилл... Вот, если угодно, удостоверение личности. — Он достал из грудного кармана внушительные красные «корочки» с гербом, но Алексей Иванович даже осердился:

— Что вы, зачем?

— Да, конечно, конечно, — вроде бы сконфузился Семен Григорьевич, убирая удостоверение, и озабоченно спросил: — Первым делом скажите, как идут ваши дела, как здоровье?

— Нормально... Все хорошо, — продолжая недоумевать, ответил Стрельцов.

— Ну, мы рады. Вот тут вам немножко для укрепления организма... — Он открыл портфельчик и стал доставать оттуда апельсины.

Алексей Иванович покраснел.

— Нет, нет, мне ничего не нужно, у меня все есть. Уберите, пожалуйста, — решительно запротестовал он. — И потом с какой стати? Я все-таки никак не пойму.

— Напрасно вы так,— огорчился Семен Григорьевич.— В этом же нет ничего такого... В больницу с пустыми руками не ходят. Но раз вы против, то и не будем об этом,— он успокаивающе дотронулся рукой до колена Стрельцова,— а прямо перейдем к делу. Мы пришли к вам... э-э... по поводу того инцидента, который произошел в прошлом году на берегу Тихого озера.

Алексей Иванович почувствовал сердцебиение. Так вот где видел он эти длинные локоны! В памяти сразу возникли налитые холодной злобой глаза и большой остроносый ботинок, нацеленный ему в грудь. Стрельцов даже взглянул на ноги Кирилла — нет, теперь Даров-младший был в зимней импортной обуви. Сам он явно тяготился разговором и, не скрывая своего безразличия к происходящему, смотрел в окно. «Зачем они здесь? — раздражаясь, подумал Алексей Иванович.— Непохоже, что этот юнец пришел извиняться». С трудом сдерживая подступавший озноб, спросил:

— Так что же вам еще от меня нужно?

Семен Григорьевич сделал вид, что не заметил ни дрожи в голосе, ни этого многозначительного «еще».

— Вы, надо полагать, в курсе, что ваш сын подал заявление в суд,— озабоченно нахмурясь, заговорил он,— но дело до вашего полного выздоровления, естественно, рассматриваться не будет. На днях я беседовал со знакомым юристом. Из большой прокуратуры,— добавил он как бы между прочим.— Так, по его мнению, самое лучшее для всех нас было бы не доводить до суда, потому что суд, кроме нервотрепки, ничего не даст. Произошла драка, кто ее затеял, кто на кого напал, доказать трудно, да и не хотелось бы доказывать. К огромному нашему сожалению, больше всех пострадали вы, но...— Семен Григорьевич сочувственно покачал головой,— тому была совсем иная причина. Не будь осколков...

Алексей Иванович болезненно сморщился.

— Что такое? — прервав свои рассуждения, торопливо спросил Даров.— Вас что-нибудь беспокоит?

Стрельцов не ответил.

— Мы, конечно, вам сочувствуем...— начал было опять Даров, но Алексей Иванович его остановил.

— Я не знал о заявлении,— отчужденно сказал он,— впрочем, это не меняет сути. Почему вы считаете, что нельзя доказать правды?

— Боже мой, о какой правде вы говорите? Как вытекает из письма вашего сына, у него своя правда, у нас же — своя. Не напади он с кулаками на этих ребят, ничего бы и не было. Им просто пришлось обороняться.

— Но ведь сначала они напали на девушку...

— Ну, Алексей Иванович, это же явное преувеличение. Парни есть парни, хотели пошутить, а вашему сыну привиделось бог знает что. Зачем-то в драку полез. Да еще папа подоспел, ну и... Между про-

чим,— Семен Григорьевич ослабился,— вы так двинули одному юноше, что тот едва жив остался...

Алексей Иванович смотрел на Дарова с нарастающим недоумением.

— Вы что же,— спросил он тихо,— действительно верите тому, что говорите, или же это просто так, для сведения мне: вот, мол, как все можно повернуть?

— Не верить нельзя,— с нажимом промолвил Даров,— и «повернуть» все как-нибудь иначе тоже невозможно. Да ведь если говорить всерьез, то у нас с вами ни свидетелей, ни доказательств — одни слова. Даже девушки той не нашли — пришла и ушла.

— Ах вот оно что,— сообразил наконец Алексей Иванович, куда клонит Даров,— свидетелей нет. Так чего же тогда было вам беспокоиться? Ко мне сюда ехать, сына против воли везти? У вас все в порядке, у меня тоже, к счастью, обошлось — не умер. О чем же разговор?

Семен Григорьевич скорбно усмехнулся:

— Я принимаю вашу иронию и не сержусь. Просто хочу, чтобы вы меня поняли. Обращаюсь к вам доверительно, как отец к отцу... — Он покосился на сторону Павла Сергеевича и, чуть понизив голос, продолжал: — Да, если бы суд состоялся, он бы завершился ничем, но... Кирилл в этом году заканчивает школу, собирается поступать в институт международных отношений, а все это, сами понимаете, может как-то помешать...

— Поступит в будущем году,— глядя в сторону и не зная, как прекратить этот нелепый разговор, сказал Стрельцов.

— Что вы! — удивился его непонятливости Даров.— Если нынче не поступит, в армию же заберут...

Павла Сергеевича будто пружиной подбросило.

— Да его не от армии, а от тебя спасать надо! — выпалил он, отшвырнув газету.— Если ты сейчас из него такую шпану воспитал, так что же дальше-то будет?!

— Позвольте, однако,— возмутился Семен Григорьевич, и выражение надменности вернулось к нему.— Как вы смеете обзывать?

— А то не шпана! Втроем на девчонку набросились, человека, героя войны чуть не убили... Паршивцы несчастные!

— Ну, знаете, гражданин! Вы ведете себя, как...— несколько растерялся Даров.— И собственно, вы-то при чем? Словно речь идет о вашем сыне.

— Если б мой сын позволил себе такое, я бы сам ему башку оторвал,— грозно заявил Павел Сергеевич, добавив при этом пару таких крепких слов, что Семена Григорьевича передернуло.

Даров-младший отклеился от окна и, ни на кого не глядя, быстро пошел к двери.

— Кончай, отец,— бросил он через плечо.— Я подожду тебя в коридоре.

— Ну так... Как же мы решим, Алексей Иванович? — отвернувшись от Павла Сергеевича и словно бы забыв о нем, спросил Даров.— В конце концов, я готов признать, что Кирилл виноват; выражаясь языком юристов, он превысил меру самообороны. Но кто гарантирован от ошибки?..

Стрельцов смотрел на него с недоумением. После некоторой паузы сдержанно произнес:

— Я не понял, зачем приходил сюда ваш сын. Я не знаю, сумеете ли вы уладить все его дела без моей помощи; думаю, что сумеете. Но если даже нет, способствовать вам в этом деле не смогу.

Даров нервно кашлянул и открыл было рот, но в этот момент в палату, по-боцмански раскачиваясь, вошел Василий Михайлович.

— Что-то у вас шумновато,— с обычным добродушием заметил он.— А молодой человек так резво отсюда выскочил, что едва не сбил меня с ног. Шустрый малый!

— Еще подкрепление прибыло,— кисло ухмыльнулся Даров.— Чувствую, мы не договоримся.

Стрельцов пожал плечами.

— Жаль, не на меня нарвался ваш сынок,— проворчал Павел Сергеевич,— я бы ему объяснил разницу между ошибкой и подлостью. Ошибка! Ишь ты, какой гусь!

— Инвалиды занимают круговую оборону! — пошутил Василий Михайлович и, когда дверь за Даровым закрылась, полюбопытствовал: — А кто это были?

— Инопланетяне,— буркнул Павел Сергеевич.— У них свои порядки, у нас свои, так что взаимопонимания не получилось. А насчет обороны ты правильно намекнул. Только тут одной обороной не обойтись, с такими умниками воевать надо всерьез.

В палату колобочком вкатилась деловитая Марья Кузьминична: подошло время уколов. С привычной ворчливостью упрекнула:

— Опять развоевался, старый партизан, опять чем-то недоволен,— и скомандовала, беря на изготовку шприц: — Ну-ка, воин, повернись!

— Вот от кого спасения нет,— прокричал Павел Сергеевич, покорно укладываясь на бок.— Ты мне, Кузьминична, всю казенную часть изрешетила. Как из пулемета прошлась.

— Да тебя, такого тощего, изрешетить-то ничего не стоит. То ли дело Василий Михайлович, его и колоть одно удовольствие.

— Недаром, я замечал, все сестрички на него с таким интересом поглядывают. А он и рад, пяти минут в палате не посидит...

Василий Михайлович только добродушно посмеивался, а Стрельцов, слушая эту знакомую безобидную пикировку, чувствовал, как постепенно расслабляются нервы, проходит тревожное оцепенение, оставшееся после визита непрошенных гостей.

С КЕМ ПОВЕДЕШЬСЯ

1

Это был на редкость приятный пес. Не внешне, наружностью он обладал довольно заурядной — черная гладкая шерсть с рыжими подпалинами, вытянутая простоватая морда, тощий живот, хвост палкой. Выделялись, пожалуй, только глаза: большие, ярко-коричневые, все понимающие и честные. У собак так же, как и у людей, глаза — «зеркало души»; в зависимости от характера они могут быть смелыми, заискивающими, плутоватыми, рабски преданными, нахальными, злыми. Во взгляде этого симпатяги нельзя было заметить склонности ни к одному из собачьих пороков. Он смотрел на мир с веселым любопытством, доверчиво и открыто.

Познакомился я с ним на «грибной охоте». У каждого заядлого грибника есть заветные места, где знает он все просеки и перелески, лосиные тропы и тихие, прогретые солнцем поляны, где чувствует себя как дома — уверенно, спокойно и хорошо. Что касается меня, то из лесных подмосковных уголков я давно облюбовал красивые смешанные леса, на многие километры протянувшиеся вдоль Ленинградского шоссе. Они хороши в любое время года и столь разнообразны, что не могут наскутить никогда.

Чаще всего я начинал с обхода знакомых опушек, но в тот день решил махнуть напрямик через поле, мимо деревни, вытянувшейся единственной своей улицей на целый километр, к старому еловому лесу, где, по моим расчетам, должны были появиться боровики. Августовское утро только занималось. Трава в низинах тускло серебрилась холодной росой, придорожные заросли бузины и малинника еще тонули во мраке, а наверху, сквозь высокие кроны деревьев уже пробивалось солнце. Длинные и прямые, как струны, лучи его рассекали туман и отчетливо видны были в зыбком золотистом мареве; чудилось, что вблизи их можно потрогать рукой.

В настроении самом благодушном приближался я к деревне, как вдруг из-за сараев с угрожающим лаем выкатилась свора собак. «Только этого не хватало!» — тревожно подумал я, замедляя шаг и ища глазами хоть какую-нибудь палку. Остановились и собаки. Я поднял глаза и с невольным облегчением рассмеялся: это была мелкота, десяток разномастных щенят с черным поджарым кобельком во главе. «Вожак» казался несколько смущенным и напоминал скорее озорного провинившегося подростка, нежели солидного главаря. Склонив голову набок, доброжелательно оглядел меня, постоял так немного и деловито побежал вдоль канавы. Щенки дружно устремились следом. Вскоре он вернулся без них.

— А ты, оказывается, славный собакевич, — сказал я и, движимый симпатией, предложил: — сахару хочешь?

Угощение он принял не то чтобы равнодушно, а с достоинством, во всяком случае без жадности. К брошенному куску подошел неторопливо и, прежде чем приняться за еду, задумчиво посмотрел в сторону деревни, а потом на меня. Взгляд его красноречиво говорил: «Хорошо, я съем. Но это пока еще ничего не значит».

— И впрямь ты славный пес, — повторил я. — Гордый. Жаль, не знаю, как тебя звать. Может, Цыган?

Он поморгал умными, коричневыми глазами: дескать, зови как хочешь. И даже сел, изъявляя готовность выслушать все, что еще будет сказано о нем.

Через неделю мы встретились снова, на том же месте. Только теперь Цыган был один, без «свиты». К моему удивлению, он тотчас узнал меня. Постоял, наклонив голову, и вдруг затрусил впереди к лесу. С того дня всякий раз, когда я ходил по этой дороге, Цыган встречал меня и провожал до опушки. Далеко в лес, однако, не углублялся; покрутившись некоторое время рядом, он вдруг, словно вспомнив про какие-то свои обязанности, со всех ног мчался к деревне. Иногда мы вместе завтракали, при этом меня особенно трогала его выдержка и, если можно так выразиться, благовоспитанность. Не думаю, чтобы Цыгана хорошо кормили хозяева, его тощие бока скорее свидетельствовали о другом, но не помню случая, чтобы он торчал перед глазами, заглядывая в рот и ждал подачки. Едва я усаживался на какое-нибудь поваленное дерево и начинал развязывать рюкзак, Цыган деликатно удалялся. Лазал по кустам, обнюхивал деревья, одним словом, старательно показывал, будто ужасно занят. И только по тому, что находился он все время поблизости, можно было догадаться, каких усилий стоило ему это маленькое притворство. Собрав остатки еды, я подзывал его. Цыган в одно мгновение оказывался рядом, замирал напротив меня в грациозной выжидательной позе, всем своим видом показывая: «Вообще-то я мог бы подождать и еще, а главное, не думай, пожалуйста, будто я пошел за тобой только ради еды»... Нет, это был удивительно приятный пес!

Однажды — это случилось уже в конце сентября — я к великому огорчению не встретил на привычном месте своего знакомца. Постоял у околицы деревни, посвистел даже, надеясь, что он откуда-нибудь выбегит, но Цыган словно в воду канул...

Грибов в лесу было маловато, лишь нарядные мухоморы тут и там выглядывали из-под опавшей листвы. Впрочем, мне повезло: на старой лосяной тропе нашел я около десятка подосиновиков, толстоногих, в темно-оранжевых шляпках, влажных от росы. В знакомом «чернушечьем» ельнике уже бродило несколько грибников. Я прошел дальше, туда, где лес заметно редел;

там, по моим наблюдениям, народу встречалось меньше, а черные грузди были особенно хороши. Грибы стали попадаться сразу, но не успел я порадоваться удаче, как ветер донес до меня негромкий сипловатый голос:

— Джек, там чужой!

В ту же минуту послышался залиvistый лай, и из можжевельных зарослей выскочил... Цыган. Увидев меня, он словно бы смутился на мгновение; не зная, как поступать дальше, твякнул для вида куда-то в сторону и побегал обратно. «Доложить хозяину, что задание выполнено», — усмехнулся я, радуясь, однако, встрече. Через несколько минут Цыган вернулся и замер на месте, заглядывая мне в лицо и как бы говоря: «Конечно, получилось некрасиво, но я не виноват».

— Значит, тебя зовут Джек, — сказал я, — и заставляют отгонять грибников. Такого-то умницу... Ничего, старина, я не сержусь.

Пес вильнул хвостом, побегал немного рядом со мной, к чему-то озабоченно принюхиваясь, и поскольку был он при этом весело суетлив, я понял, что собакевич мой тоже обрадовался. Затем он опять исчез, через несколько минут появился вновь, и так повторялось неоднократно.

А вскоре я увидел его хозяйку. Худощавая женщина со стареньким аккуратным кузовком на согнутой руке стояла возле разлапистой сосны, закинув голову и что-то высматривая там, в вышине. Улышав мои шаги, быстро обернулась, кивнула с милой улыбкой, как старому знакомому:

— Здравствуйте! — И тут же спросила: — Не знаете, что за птица стрекочет? На сороку не похожа... Может быть, дрозд?.. Октябрь скоро, а он все поет.

У женщины было славное лицо, явно немолодое уже, но ничуть не уявшее и не утратившее девичьей непосредственности и чистоты.

Бросив взгляд на мою корзинку, она удивленно и радостно ахнула:

— Это вы столько набрали? Можно посмотреть? А мы два часа уже ходим, и ничего. Нашли два белых да штук пять подберезовиков — вот и все богатство.

— На троих?

— Почему на троих? — не поняла она. — Мы двое, с мужем.

— Но с вами еще помощник, — я кивнул в сторону Джека, который улегся возле ее ног.

— Ах, Джек? — Женщина добродушно рассмеялась. — И верно, тогда, выходит, добыча на троих. Хороший у нас песик, понятливый. Братишка мой подарил. Только, говорит, на цепь не сажайте, а то озлится, дурной станет... Вот и бегают наш «волкодав» по деревне, со щенками играет, словно нянька. И по грибы с нами любит ходить. Хозяину-то, Тихону Ивановичу моему, не нравится это, сердает. «Нечего, — говорит, — ему, как придурку, носиться, пусть-ка дом сторожит». Ну, а мы не торопимся, еще насторожимся. Верно,

Джек? — Она ласково потрепала вскочившего на ноги Джека и опять светло улыбнулась. — А я-то подумала, вы моего сыночка знаете, Юрика. Так этот у меня не грибок и не ягожник, в лес силком не загонишь.

— Дома жарехи ждет?

— Нет, и дома не ждет. Далеко он у нас, на Урале, завербовался куда-то. — Лицо ее слегка затуманилось. — Я-то сначала больно не хотела, чтобы уезжал, и в колхозе ему хорошую работу предлагали, на пилораме, да отец настоял, пусть, мол, в городе живет. А потом уж и я согласилась. — Женщина чуть понизила голос. — Стал отец-от его на рыбалку с собой брать, а рыбу они шашками глушили. Ну и сказала: пусть уж лучше уезжает от греха подальше... Обещал нынче приехать с товарищем, поохотиться, отец и ружья припас, да не удалось чего-то, написал, чтобы ждали в будущем году.

Громко, как выстрел, треснула ветка валежины, меж деревьев маячила высокая сутуловатая фигура в надвинутой на лоб кепке. Женщина встрепенулась.

— А вон и муженек мой, — сообщила она и громко позвала: — Тиша, поди-ка сюда, глянь, каких здесь грибов набрали, чуть не полная корзинка...

— Ты в свою почаше заглядывай, — со сдержанной злостью отвечал тот и, даже не обернувшись, прошагал мимо, хмурый, большерукий, с огромной корзинищей на широкой лямке, перекинутой через плечо.

Женщина улыбнулась виновато и заспешила за ним. Джек постоял немного как бы в раздумье, коротко твякнул и тоже скрылся в еловом мелколесье.

Больше этой осенью я не видел Джека.

Не встречался он мне и на следующее лето. Правда, грибные вылазки мои стали довольно редкими, к тому же за недостатком времени навещал я лишь ближайшую рощу.

Настоящую вылазку удалось предпринять только осенью.

...Был солнечный субботний день, прозрачный и тихий, расцвеченный всеми красками этой золотой поры. Автобус останавливается у развилки. Направо, через мост, уходит прямая дорога к дачам, а влево начинается крутой лесистый подъем... В развилку вклинился молодой соснячок. Он невелик, за десять минут весь обойдешь, но в недавние годы столько здесь водилось маслят, что в иное счастливое утро корзинку можно было набрать, как говорят, мимоходом. Я по сию пору начинаю обход «своих лесов» отсюда, но уже больше по привычке: теперь тут почти ничего не растет.

Не так давно облюбовали эти места автотуристы. Поначалу даже не сам сосняк, а примыкающую к нему уютную ложинку. Проехать мимо нее и впрямь невозможно: в июне ложина ярко пестрит луговыми цветами, а потом все лето покрывает ее густая шелковистая трава.

Чуть дальше, на возвышенном месте, веселым хороводом выстроились тоненькие, одинаковые, как на подбор, березки, образовавшие естественный шатер. Сказка, да и только!

Рядом с лесочком пологий спуск в низину — старая, еле приметная тележная колея, по ней и заруливали сюда первые моторизованные любители природы. На лугу разбивались палатки, под березами устраивалась жаровня для шашлыка, а в благодатной тени молодых сосен и густого ольховника остывали от полуденной жары «запорожцы» и «жигули». Но однажды после теплого дождя какому-то старенькому «москвичу» не удалось одолеть с ходу малый подъем, и хозяин его подумал, что гораздо легче будет проехать напрямую, меж сосен... Примеру находчивого автомобилиста тотчас последовали другие, а вскоре по живописному лесочку уже разъезжали во всех направлениях. Трещал под колесами подрост, покрывались пылью новые и новые колеи... Прошло еще немного времени, и автостоянки из лощины перебазировались сюда. В сосняке густо задымили костры, и после каждого выходного дня между деревьями оставались кучи мусора, черные пятна от бензина и масла.

Тогда не на шутку забеспокоилось лесничество. На самом видном месте вывешено было строгое запрещение въезжать в лес на машинах и разводить там костры. Но запрет не возымел действия. Как-то воскресным утром оказался я случайным свидетелем весьма любопытной сценки. Лесник с участковым милиционером решили припугнуть нарушителей порядка протоколом и штрафом. Под соснами в это время расположилось несколько «жигулей» и были раскинута две яркие палатки, похожие на княжеские шатры. Участковый открыл планшет и попросил владельцев машин назвать свои фамилии. Что тут началось! Какой поднялся негодующий крик! Все эти люди, и молодые, и пожилые, были до крайней степени возмущены. Кульминация наступила, когда одна из женщин заявила гневно, указывая на пятилетнего малыша:

— Вы напугали ребенка!

Понятливый мальчуган сразу смекнул, чего от него хотят, и заревел во весь голос. Милиционер только рукой махнул, сказал досадливо:

— Детей-то чему учите? Они ведь с вас пример берут...

Живописный сосняк хирел на глазах... Но все равно, каждый раз приближаясь к нему, я по-прежнему испытываю нетерпение и радость, как при встрече со старым другом...

Точно такие же чувства охватили меня и теперь, едва я сошел с дороги. По-летнему сильно пахло сосной, однако этот чистый, бодрящий дух уже заметен перебивался запахами прелых листьев и мокрой земли. Возле тропинки бесполезно торчал все тот же столбик со знакомой надписью на железном листе: «Въезжать в лес на

машинах и мотоциклах запрещается»; только лист был покорежен, видно, пытались его сорвать.

Я пошел по краю, не особенно рассчитывая на удачу, больше по привычке, и тотчас увидел шоколадного цвета автомобиль. Подняв несколько молоденьких елочек, «запорожец» укоренился как раз на том месте, где в прошлые годы особенно обильно, от начала лета до поздней осени, росли яркоголовые маслята. Дальше виднелось еще несколько машин. Полная дама в длинном цветастом платье-халате, держа за руку чернявую девочку, искала что-то в пожухлой траве. Заметив меня, она оживилась, шагнула навстречу и, указывая перстом на корзинку, с иронией поинтересовалась:

— Ну, как у вас?

— Что?

— Опят набрали?

— Нет, я только вошел.

— И не ищите, — посоветовала она, сделав гримаску. — Здесь вообщем не бывает грибов, это не лес, а так... И лесом-то не назовешь...

— Да вы на грибах стоите! — не удержался я.

Дама аж подпрыгнула, почти испуганно зашарила вокруг себя глазами.

— Что вы говорите? Где?

— Где?.. — Меня раздражала досада. — Не понимаю, как можно охаивать лес, который сами же искалечили и превратили в свалку.

Она выпрямилась, надменно спросила:

— Позвольте, что вы имеете в виду?

— Да все это! На каждом шагу кострища, обгоревшие сосны, здесь куча мусора, там еще куча... Консервные банки, пакеты из-под молока, битые бутылки... Извините, но это все равно, что насвинячить у себя в квартире...

— Боря! — звенящим голосом позвала дама. — Вот тут от нас чего-то хотят...

Из-под машины вылез сурового вида мужчина. Следом за ним появился рыжеватый юнец с гаечным ключом. Вытирая мохнатой тряпкой руки, Боря со скрытой угрозой спросил:

— Ты кто? Дружинник? А повязка где?

Я молча повернулся и пошел прочь. Разговаривать с этими людьми, взывать к их сердцу и разуму было бесполезно...

Занятый невеселыми мверслями, я не замечал дороги. Поднялся в гору, миновал турбазу, свернул в лес. Машинально шевелил палкой шуршащие листья, оглядывал старые пни. Ничего не попадалось, даже поганок не было видно. Что ж, это естественно — грибничить в таком настроении бесполезно. Если ты сердиться или нервничаешь, так и знай, ничего не найдешь: лес сердитых да суетливых не любит. А кроме того, и место здесь изрядно захламленное. Обычное дело — возле турбаз чистых лесов почти не бывает. Среди отдыхающих

всегда найдется с десяток «любителей природы», которым сломать походя молодое деревце, разжечь в чаще невообразимый костер или оставить после «шашлычной вылазки» мусорную свалку — привычное дело. Лес-то ведь ничей, да и вон его сколько, всем хватит. А главное — не видит никто.

На природе как-то особенно отчетливо проявляются людские характеры. Наверное, это следствие раскованности, вызванное нахлынувшим ощущением безнаказанности и свободы. Один неведомый мне человек, остановившись отдохнуть недалеко отсюда на берегу реки, разобрал для ночного костра мостик, по которому ежедневно проходили десятки людей. А другой, тоже неизвестный мне человек по собственному почину оборудовал на лесной лужайке маленькую базу отдыха. Из пеньков и веток, без плотничьего инструмента соорудил он удобные скамеечки, столик, и немало грибников пользовались этим нехитрым пристанищем. И того и другого никто не видел: и тот и другой были наедине с природой и со своей совестью...

Два ружейных выстрела, прогремевших где-то впереди, отвлекли меня от раздумий. Я остановился удивленный. Что это? Неужели охотники? Но там же деревня. Какая здесь может быть охота? И тотчас, словно опровергая все мои сомнения, издали накатился заливистый лай собаки, и новый дуэлет раскатисто ударил совсем уже близко. Охваченный беспокойством, я торопливо направился к дороге.

Знакомое поле открылось моим глазам, по-осеннему прибранное и оттого словно бы раздавшееся вширь, тихое и печальное под неяркими лучами солнца. Уныло стояли успевшие потемнеть от первых дождей высокие скирды соломы, быстро скользили по земле тени облаков. А людей — ни души. Странно. Может, мне только почудилось, что стреляли рядом? Когда воздух так прозрачен и чист, все звуки кажутся близкими. Теперь кругом стояла тишина, лишь вдалеке, над краем поля с нестройными криками кружили грачи. Скоро им предстояло далекое путешествие. Птицы сбивались в стаи, подкреплялись перед трудной дорогой опавшим зерном.

Я уже подходил к деревне, когда услышал негромкие голоса и смех, доносившиеся из-за ближней скирды. А вскоре увидел «охотников». Это были двое парней, вырядившихся, как на маскарад, под «тирольских стрелков»: оба в аккуратных сапожках с белыми отворотами, в серых курточках, перетянутых широкими ремнями, и узкополых шляпах с гусиными перьями. Тот и другой картинно опирались на новенькие, отсверкивающие ярко-желтыми прикладами ружья. Молодые люди явно рисовались перед двумя девицами, которые грызли яблоки и кокетливо хихикали, внимая своим кавалерам. Но вот один из «стрелков», махнув рукой, зычно командовал невидимой собаке:

— Ату их, возьми!.. Поше-ел!!!

В ту же минуту из-под скирды рванулся черный облезлый пес

с веревкой на шее и пошел прыжками за грачиной стаей. Вслед ему неслись улюлюканье, крик, свист... Обогнув стаю со стороны леса, собака с азартным лаем погнала ее обратно. Птицы испуганно взмыли над полем, метнулись в одну сторону, в другую, и тут навстречу им почти одновременно грохнули выстрелы...

— Вы с ума сошли! — закричал я. — Что вы делаете?!

Но горе-охотники не слышали меня. Азартно вопя, гнались они за разметавшейся стаей, которая повернула теперь к лесу; вслед за ними, хохоча, семеняли девицы.

Я стоял потрясенный тупой, бессмысленной жестокостью. Кто они, откуда взялись эти юные дикари?

С хриплым лаем на дорогу выскочила черная собака. Повидимому, она совершенно одурела от бестолковой гонки, диких выкриков, стрельбы и на какое-то мгновение запуталась — не знала, в которую сторону надо теперь бежать... Я смотрел на обезумевшего пса и не верил глазам: это был мой старый знакомец Джек. Но что от него осталось! Морда поцарапана, тощие бока в колочках, когда-то гладкая, лоснящаяся шерсть свалялась, как войлок. Я окликнул его. Джек остановился и поглядел в мою сторону, но почему-то не прямо на меня, а мимо, как смотрят слепые. Глаза у него выцвели, стали какими-то безразличными и пустыми, из-за этого физиономия приняла глуповатое выражение. Он, кажется, хотел что-то вспомнить, но ослабевшая память ничего ему не подсказала. Тогда Джек тоскливо залаял, опять же глядя мимо меня, постоял еще немного и, кособоча, как это делают дворняжки, затрусил к своим хозяевам.

«А он вовсе поглупел, — подумал я. — Такая добрая собака была, и вдруг... Недаром говорят, с кем поведешься... Не повезло Джеку с новым хозяином»...

И тут до меня дошло: да это же приехал «Юрик» со своим товарищем, тот самый Юрик, которого еще в детстве учили постигать природу с помощью толовой шашки. Недаром так боялась за него мать, отцовское воспитание дало свои плоды. Скверные, жутковатые, прямо скажем, плоды. Не будет от них радости ни родителям, ни друзьям, никому. Страшно жить рядом с человеком, который ради забавы может стрелять в стаю перелетных птиц.

С тяжелым сердцем покидал я это печальное место. Усилился ветер. Тени облаков, обгоняя друг друга, все быстрее катились по полю, и было что-то грустное и тревожное в этой их торопливости. Стал накрапывать дождь...

2

— Жаль все-таки Джека, — сказал я со вздохом, собираясь в очередной поход. — Таковую собаку испортили... Скучно без него стало в лесу...

— А ты возьми с собой Мухтара,— посмеиваясь над моими переживаниями, посоветовала жена,— он ведь давно к тебе в компанию набивался.

И хотя сказано это было в шутку, я вдруг подумал: «В самом деле, почему бы не взять старого знакомого? Старый друг лучше новых двух».

С этой собакой у нас было связано много веселых воспоминаний. А познакомились мы с нею лет восемь назад, еще когда жили на прежней квартире.

Как-то весенним днем наш сосед по лестничной площадке Михаил Григорьевич Ларин торжественно объявил, что приобрел породистого щенка. Это было полной неожиданностью для всех: Михаил Григорьевич слыл у нас человеком нелюдимым и черствым, а главное, ярым противником домашнего собаководства. Тем не менее факт свершился, и через несколько дней весь подъезд до мельчайших подробностей знал трогательную историю появления щенка.

...Где-то в Карелии жил охотник. У того охотника имелось несколько лаек, и одна из них принесла четверых щенят. Но чем-то не приглянулось ее потомство хозяину. Завернув слепых малышей в старый мешок, он бросил их в реку. Однако погибли не все, один каким-то чудом сумел выбраться из мешка, переплыть быструю речку, найти среди скользких камней дорогу к противоположному берегу. Его подобрал егерь соседнего лесничества и, немало подивившись выносливости найденныша, подарил знакомому академику, который в то время охотился в карельских лесах. Но академику собака была не нужна и по приезде в Москву он решил определить ее в какую-нибудь «хорошую, интеллигентную семью».

Так четвероногий путешественник попал к Михаилу Григорьевичу — геройского щенка преподнесли в день рождения его супруге.

Кличку щенку дали самую модную — Мухтар. Тогда по всем киноэкранам только что прошел фильм о сыскной собаке с участием популярного артиста Юрия Никулина, и едва ли не в каждом дворе было теперь по Мухтару. У нашего новосела появилась масса покровителей, преимушественно, разумеется, из числа детворы, а главную роль самым решительным образом захватила моя дочь — по праву наиболее близкого соседства...

К зиме Мухтар заметно подрос, превратившись из смешного общительного кутенка в красивую породистую собаку, и уже все видели, что это действительно настоящая лайка: густая черно-белая шерсть лоснится, треугольные уши торчком, пушистый хвост кренделем откинут на спину. А глаза озорные, веселые, с постоянным выражением готовности: «Не надо ли куда сбегать? Я мигом!»

С моей дочерью у него установились самые приятельские отношения. Каждый день Мухтар терпеливо поджидал ее возвращения из школы и так бурно радовался встрече, словно не виделись они

по меньшей мере неделю. Затем одним духом взлетал на четвертый этаж и выжидательно замирал возле нашей квартиры.

Михаил Григорьевич, однако, не очень-то потворствовал таким вольностям — Мухтар уже начинали воспитывать, он обязан был подчиняться установленному для него распорядку дня.

— Мухтар, домой! — следовал строгий приказ. — Скоро обед.

А тому жить по распорядку пока еще не хотелось, и пес начал хитрить. Он или прятался на лестничной площадке верхнего этажа, или делал вид, будто собирается идти домой и медлит лишь потому только, что ему надо кое-кого проводить. Но едва приоткрывалась наша дверь, Мухтар пулей влетал в квартиру, забивался под диван или за шкаф, и вызволить его оттуда было уже невозможно. Тщетно зывал к совести Мухтара хозяин — ни угрозы, ни щедрые посулы не оказывали никакого действия. В конце концов Михаил Григорьевич безнадежно разводил руками и, извинившись за беспокойство, уходил.

Минут через пять Мухтар воровато выползал на брюхе из своего укрытия. «Ушел?» — спрашивал он глазами, опасливо косясь в сторону прихожей. При этом в зубах он держал какую-нибудь сломанную куклу или старый мячик и имел такой уморительный вид, что мы прыскали со смеху. И тут начиналось...

Вне себя от радости Мухтар принимался как угорелый носиться по комнатам, а юная опекунша швыряла в него варежками и хохотала до слез.

Однако самые счастливые минуты для Мухтара наступали поздней. Часов в восемь вечера, управившись с уроками, набрав сахару, куриных косточек и других угощений, дочь бежала звонить к соседям. Вскоре у дверей начинался примерно такой разговор:

— Можно, я погуляю немножко с Мухтаром?

— А мама разрешила?

— Да.

— Ну, хорошо. Ты девочка серьезная, тебе мы доверяем... Одной тебе, учти это. Только смотри, никуда его не отпускай — таких собак ни у кого нет.

— Да, конечно, я знаю...

Мухтар сидел тут же, возле дверей, тихо нервничая и не спуская глаз со своей покровительницы. Он догадывался, о чем шел разговор, и приблизительно представлял, как следует себя дальше вести: надо чинно спуститься по лестнице, неторопливо пройти мимо освещенных подъездов, не пытаясь сорваться с поводка и ни на кого не обращая внимания.

Словно заговорщики, они уходили на пустырь. Здесь было безлюдно и тихо, волнующе пахло снегом, таинственный свет луны лежал на сугробах и просачивался сквозь узкие щели между гаражей. Мухтар замирал, трепетно ожидая, когда маленькие руки ласково прикоснутся к его шее, чтобы отстегнуть ремешок. Почувствовав

свободу, он некоторое время с шальной радостью озирался вокруг, как бы соображая, с чего начать. Затем делал первую неторопливую пробежку по малому кругу, тщательно обнюхивая каждый куст. Все оказывалось в полном порядке, и Мухтар, звонко твякнув, начинал бесшабашно носиться взад и вперед по пустырю. Через полчаса, весь запорошенный снегом, он в счастливом изнеможении растягивался возле старой скамьи, где его ждал «изысканный» ужин. Кажется, Мухтару особенно нравились эти мгновения; он ел не спеша, как гурман, смакуя каждый кусок.

В один из таких вечеров я сказал дочери:

— А ведь нехорошо, что ты снимаешь с него поводок.

— Но ему же хочется побегать, — удивляясь моей непонятливости, возразила она.

— А если совсем убежит?

Ответом мне был полный изумления взгляд и снисходительный упрек:

— Да ты что? Он же все понимает!

Но вот сосед с гордым видом сообщил, что Мухтара будут учить уму-разуму в школе собаководства. И действительно, через некоторое время стал его куда-то водить, а бесконтрольные вечерние прогулки почти прекратились.

Как-то, возвращаясь после работы, я увидел весьма занятную картину: сосед, крепко держась за туго натянутый поводок и слабо сопротивляясь, семенит за Мухтаром.

— Куда это он вас тащит? — спросил я.

Михаил Григорьевич радостно улыбулся, горделиво заговорил на ходу:

— Сильный стал — не удержишь. Простор любит... Охотник! — И, уже удаляясь, добавил многозначительно: — А способный какой, вот увидите...

К сожалению, убедиться в успехах Мухтара нам так и не пришлось: вскоре мы поменяли квартиру, переехали в другой район Москвы.

С Михаилом Григорьевичем я виделся теперь крайне редко, однако при каждой встрече он почитал своим долгом выложить все новости о Мухтаре. И непременно добавлял при этом:

— Настоящим охотником стал! Такой способный, такой умница...

Слово «умница» произносилось с особым чувством — Михаил Григорьевич даже морщился и зажмуривал глаза.

— Чему же научился Мухтар? — любопытствовал я.

— А всему... Меня по утрам будит. Ровно в шесть, как я привык вставать, хоть часы проверяй. Раньше мы с вечера будильник заводили, а теперь никаких будильников не надо, Мухтар время знает. На кухонные ходики глянет — и ко мне в спальню. И ведь что, разбойник, делает! Сначала принесет всю одежду — рубашку, брюки,

валенки, а потом положит лапу на плечо и этак вежливо два раза твawkнет: «Гав-гав!» Получается вроде бы: «Вста-вай»...

— Погодите, он еще вас по имени-отчеству будет величать,— смеялся я.

Михаил Григорьевич тоже расплывался в довольной улыбке, предлагал радушно:

— Возьми-ка его с собой на охоту, не пожалеешь. Мухтар хоть зайца, хоть лису поднимет, только стреляй.

— Да какой же я стрелок, у меня и ружья-то нет.

— Купи... А то просто так, без ружья вместе ступайте. Он и грибы, наверное, искать умеет. Охотник же...

При следующей встрече показалось мне, что Михаил Григорьевич несколько поскучнел. Правда, о питомце своем рассказывал в тех же восторженных тонах, но потом вдруг без всякого перехода предложил:

— Хочешь, подарю Мухтара?

— Как это? — опешил я.— Зачем?

— Да вот так, забирай и дело с концом. В лес будешь с ним ходить.

Пришлось деликатно объяснить, что у нас в подьезде есть уже два эрдельтерьера и один пудель и что квартирные условия мои не позволяют содержать охотничьего пса. Михаил Григорьевич слушал невнимательно, должно быть, не очень веря моим доводам.

— Скучновато стало у нас Мухтару,— грустно признался он,— некому с ним гулять, вот беда. Супруга все похварывает, сыну не до собаки, у меня времени нет — кандидатскую кропаю... А ведь он охотник, ему простор нужен.

Михаил Григорьевич еще раз со слабой надеждой заглянул мне в глаза, хотел что-то добавить, но только вздохнул...

В последнее время мы вовсе перестали встречаться. Да оно и неудивительно: теперь ничто нас не связывает — ни служба, ни дружба, к тому же Михаил Григорьевич, взявшись за диссертацию, видимо, не вылезает из-за письменного стола. Может, и не вспомнил бы я о нем и о Мухтаре, если б не шуточный совет жены.

...Старая улица встретила меня осенними запахами и тихим шелестом опавшей листвы. Она почти не изменилась, лишь в самом конце ее, там, где раньше был захлащенный пустырь, поднялся теперь целый квартал высоких башен-домов. Когда-то казавшиеся солидными наши пятиэтажные коробки рядом с ними потускнели и словно бы даже слегка ушли в землю.

На какой-то миг у меня возникло странное ощущение, будто мы уехали отсюда давным-давно, и, кроме этих блочных стен, ничего от дней минувших здесь не осталось: выросли малыши, разъехались или постарели соседи, сменились продавцы в магазинах, по газонам, обнюхивая тонкие стволы тополей, бродили другие, незнакомые собаки.

Каковы же были моя радость и удивление, когда, завернув за угол нашего старого дома, увидел я на прежнем месте, возле подъезда, Мухтара! Он лежал на ступеньке, уткнувши голову в передние лапы и судя по всему, блаженно предавался послеобеденной дреме. Словно и не расставались мы вовсе. Впрочем, нет, тогда еще он не был таким солидным и важным.

— Мухтарка! — негромко позвал я, заранее представляя, как он встрепелется сейчас, каким веселым, шальным блеском вспыхнут его глаза.

Но Мухтар даже не шевельнулся. Медленно, как если бы это стоило ему великих усилий, приоткрыл он один глаз, равнодушным взглядом скользнул по моей фигуре. Неужели не узнал?

— Мухтар, — огорченно повторил я, несколько возвысив голос, — иди же ко мне!

Пес зевнул, неохотно поднялся и сделал три или четыре шага в мою сторону. Только что это с ним? Шея в складках, бока раздулись, толстый живот едва не волочится по асфальту, и впечатление такое, словно Мухтар хромает на все четыре ноги.

— Невероятно, — пробормотал я, не веря глазам.

Он остановился, так как дальше не пускала цепочка, привязанная к стволу старой акации, и вновь с печальным недоумением поглядел на меня.

«Ну чего тебе? — спрашивал его укоризненный взгляд. — Зачем разбудил? Шел бы своей дорогой».

Меня охватила острая жалость. Постояв в растерянности, я бросил Мухтару кусочек сахара и пошел прочь. Перед тем, как завернуть за угол, обернулся — Мухтар стоял в той же расслабленной позе, не притрагиваясь к угощению и как бы силясь что-то понять.

КЛЮКВИН

Эту курьезную историю рассказал мне как-то знакомый инженер-связист. Я ничего к ней не добавил, оставил все, как записал, почти слово в слово.

Нынешней весной меня как специалиста по радиотрансляционным сетям уговорили переехать в Заволжск, на должность разъездного инженера, — начали там переоснастку местных радиоузлов. Старый приятель сманил, заместитель начальника областного управления связи. «Выручай, — говорит, — аппаратура новая, а толковых кадров кот наплакал, хоть караул кричи. На тебя вся надежда». Ну, я и размяк.

Заволжск в общем-то мне понравился, симпатичный городишко. Центральная часть современными зданиями застроена, а окраины,

должно быть, с незапамятных времен не менялись: тихие, уютные, с живописными палисадниками и одноэтажными особнячками, украшенными затейливой деревянной резьбой.

Жаль только, что жизнь моя в этом райском уголке началась с непредвиденной осечки. После радостной встречи и разных приятных слов выяснилось, что новый дом на Садовой улице, дом, в котором я должен был получить квартиру, к великому сожалению, еще не вполне готов. Остались сущие пустяки, месяца на два работы, ну на три, не больше... А пока придется пожить в гостинице или еще лучше (гостиничка маленькая и, признаться, не очень располагает к длительному проживанию), еще лучше снять уютную комнатку в старом районе, да и переждать эти быстролетные два-три месяца в полном благоденствии и покое. Ну, что ты будешь делать! Пришлось подчиниться судьбе.

В тот же день мое внимание привлекла занятая бумажка, прилепленная к телеграфному столбу. Витиеватым почерком на ней было нацарапано следующее:

Здается комната со всеми удобствами и услугами както: два раза в день чайник теплая уборная тобка печ и другие. Оплата посоглошению. Адрес — Коренной пер. дом 6.

Не все понятно, зато душевно и просто. Я подумал немного, вникая в несколько туманный смысл объявления, и, решив, что для меня, соломенного холостяка, «комната со всеми удобствами и услугами» будет очень кстати, отправился разыскивать Коренной переулок.

Это оказалось почти на самой окраине города. Дверь открыл сутуловатый человечек в вязаной кофте, изрядно поношенных джинсах и галошах на босу ногу. У него были небритые дряблые щеки и длинный утиный нос с забавными поперечными морщинками, придававшими всему лицу выражение иронии и крайнего неудовольствия ко всему на свете. Из-под рыжеватых пучков бровей меня бесцеремонно оглядывали маленькие сощуренные глазки.

— Это у вас сдается комната? — спросил я, когда мы вдоволь налюбовались друг другом.

— У нас. Только я меньше чем на три месяца не пущаю.

— Очень хорошо. Мне как раз на столько и надо.

— А где служите? Фамилия как?

Я ответил. После этого он пожелал заглянуть мне в паспорт и, клюнув в него утиным носом, пригласил зайти в дом.

Мы миновали кухню и очутились в небольшой комнатке с грязноватыми обоями и низким потолком.

Я осмотрелся. Прямо против входа, у стены, стоял обшарпанный письменный стол, на котором было ничего, кроме пустой консервной банки; слева — старомодная кушетка, покрытая суконным одеялом, а справа — непомерно высокий черный комод. Над комодом

висело несколько выцветших фотографий и большая лубочная картина, изображавшая дебелую барыню, очень похожую на сома.

— Вот, можете занимать,— небрежно промолвил хозяин и, убрав со стола банку, пояснил: — Намедни только постояльцы съехали, не прибрался еще.

Должен сознаться, я не был в восторге ни от хозяина, ни от жилища. В первую минуту даже возникло желание извиниться и поискать комнату где-нибудь в другом месте. Но потом раздумал: «Да ладно, проживу и здесь, а что до хозяина — не прыгать же ему от радости перед каждым квартирантом. Может, у него настроение плохое».

Сообщив о своем согласии, я осведомился насчет цены. Но в ответ он только изобразил на своем лице смешную гримасу, собрав при этом нос гармошкой, и неопределенно махнул рукой, что, видимо, означало: «Ну, стоит ли о такой чепухе толковать?» Я не стал настаивать и очень деликатно попросил его объяснить некоторые загадки объявления. Все расшифровывалось весьма просто: «два раза в день» относится только к чайнику, а под «тобкой печ» подразумевается, что хозяин топить печи будет сам. Затем я предупредил, что по служебным обязанностям мне придется иногда выезжать в небольшие командировки, и высказал сожаление, что поблизости нет телефона.

— Плохо без телефона,— вздохнул я.— Совершенно необходимая вещь.

Утиный нос вдруг собрался в мелкие складки, отчего сразу стал несколько короче, а маленькие глазки сощурились, источая величайшее презрение.

— Очень необходимая! — язвительно произнес хозяин.— Особенно для начальства, чтобы людям легче отказывать.

— В чем отказывать? — опешил я.

— А во всем. Чего ни попроси. Отказал по телефону, и рожи не видно.

Чувствовалось, что с моим собеседником творится неладное, он явно был чем-то расстроен. Решив отвлечь его от мрачных мыслей, я переменял тему разговора.

— Понравился мне ваш Заволжск. Красивый город.

— Прекрасный! Очень прекрасный! — с неестественной восторженностью откликнулся хозяин.

— Особенно с Волги хорош.

— Очень, очень! Прямо обалдеть можно, до чего хорош! Как вскарабкаешься от пристани в такую-то кручу, так полсердца и нет, и язык на спину. Очень прекрасно!

— М-да-а,— растерянно промычал я, не зная, что сказать,— для людей с большим сердцем это действительно несколько неудобно. А в общем-то все же неплохой городок.

Однако продолжать разговор о Заволжске уже больше не хотелось,

да и время было позднее. Я еще немного посидел для приличия и стал прощаться.

— Значит, завтра переберетесь? — спросил он.

— Переберусь... Да. Мы с вами еще и не познакомились. Как прикажете вас звать-величать?

— Порфирий Филонович. А фамилия Клюквин,— сообщил хозяин с кислой гримасой, и я подумал, что он, вероятно, недоволен и своей фамилией, и именем, и отчеством.

...И вот я переехал к Клюквину, переехал для того, чтобы после тысячи раз раскаяться в этом.

Примерно через неделю Порфирий Филонович зашел ко мне в комнату и не то небрежно, не то недовольно предложил заключить договорчик. Было видно, что ему крайне неприятна эта формальность, и, чтобы поскорее рассеять у него чувство неловкости, я бодро сказал:

— Как же, как же! Обязательно нужно. Давайте-ка сюда вашу бумаженцию,— и, небрежно подписавшись, пробежал глазами содержание «договорчика». В нем указывалось, что я обязан «прожить у г-на Клюквина 3 мес. с оплатой 50 руп. в мес. и своим дровам». Веселость моя сразу потухла. Правда, я не искушен в подобных делах, но показалось дороговато. Клюквину, однако же, ничего не сказал, лишь пробормотал что-то насчет дров.

— Закон! — развел руками Порфирий Филонович. — Ваши дрова — моя топка... Попрошу денежки за месяц вперед. У меня уж такое правило. Да и жить надо. Не видели, что сегодня на рынке делается? Прекрасно!!! За хреном — очередь!

Я побыстрее отдал хозяину деньги, надеясь, что он тотчас же уйдет. Но Порфирий Филонович, очевидно, совсем не собирался уходить. Напротив, он уселся на кушетку и целых два часа развлекал меня разговорами о растущей дороговизне, о плохой погоде, об эпидемии какого-то загадочного насморка, о беспечности милиции и многом другом, из чего выходило, что жизнь невысказанно трудна, безрадостна и опасна. В подтверждение последнего он рассказал о нескольких жутчайших преступлениях, одно страшней и нелепей другого, которые были совершены якобы где-то совсем рядом, на соседней улице, и не в какие-то давние времена, а буквально на днях. И ни один преступник не найден...

С этого вечера и пошло. Клюквин стал донимать меня систематически, ежедневно. Пытка начиналась тотчас, едва я переступал порог дома. Недоволен был он решительно всем, без исключения. Однажды даже выразил неудовольствие, что луна светит по ночам, когда свет никому не нужен.

Начинал Порфирий Филонович большей частью со своих болезней. Их у него было великое множество. Он жаловался на сердце, поясницу, желудок, левую пятку, почки, селезенку, у него постоянно ныло, подкатывало, кололо, теснило, стреляло в зубах, под ложечкой,

в ушах и т. д. Когда же я посоветовал однажды Клюквину обратиться к врачам, он так скривил рот, что едва не вывихнул челюсть, и ехидно спросил:

— А вы знаете, какие у нас врачи? Одного старика целый год лечили от ангины, а после оказалось, что у него язва желудка. Ну, и залечили на тот свет. Во как!

С медицины Порфирий Филонович переключался на погоду и ругал все: и жару, и холод, и дождь, и снег. При этом непременно ехидничал по поводу плотин, искусственных морей и спутников, которые, по его глубокому убеждению, перепутали все на свете.

Но больше всего меня раздражало, когда Клюквин заводил разговор насчет плохой заботы о людях, и в частности о нем. «Ах ты, кислятина длинноносая,— молча злился я,— уксус с простоквашей! Это о тебе-то не проявляется заботы, сплетник несчастный?»

По части сплетен он был мастак. Вот представьте. Возвращаюсь однажды из командировки в соседний район и вижу картину: Клюквин собрал возле ворот небольшую компанию слушателей (несколько старух да соседский парень Тимка Стегачев) и про какой-то ужасный пожар рассказывает.

— ...Что было! Шесть человек на месте живьем зажарилось, больницы забиты, а убитков!.. На большие мильены. Заграничное оборудование было куплено, и все прахом.— Порфирий Филонович сильно сморщился, словно в нос ему влетела муха или какое-нибудь другое насекомое, и ядовито заключил: — Вот они как пролетают, наши-то народные денежки.

Сидевшие на лавочке старушки доверчиво ахали, испуганно крестились. Тимка Стегачев, известный насмешник и шалопут, выплунув окурок сигареты, напустил на себя прокурорскую серьезность, заинтересованно и деловито спросил:

— Данные точные? Ошибочки нет?

Но Клюквин только хмыкнул, не удостоив его даже взглядом.

— Я к чему,— продолжал тем же тоном Тимка.— На днях в газете заметка была про то, что на Быковском радиоузле сарай со старым барахлом сгорел... Случайно не об этом пожаре?

Порфирий Филонович саркастически усмехнулся — мол, значит, не об этом.

— А о чем речь, позволяете полюбопытствовать?— спросил я.

— Да вот Филоныч болтает, будто позавчера Быковский радиоузел со всеми потрохами сгорел.

— Быковский?! Что за чушь! Да я только что из Быкова, с того самого радиоузла — стоит целехонек и работает хорошо. Было там, правда, неделю назад небольшое ЧП — старый склад со списанным оборудованием загорелся, так его сами сотрудники до приезда пожарных успели потушить. Как же так, Порфирий Филонович? Откуда у вас такие дикие сведения?

Утиный нос Клюквина медленно укорачивался, собираясь в гармошку.

— Кто вам рассказал?— не отступал я.

— Радио, вот кто,— с гордым презрением ответил наконец Клюквин.— «Голос Америки». У Емельяна Митрофаныча вместе слушали.

— Во старые хмыри!— восхищенно воскликнул Тимка.

— А разве меня вы не могли спросить, ведь знаете, где я работаю,— с упреком сказал я.— Или хотя бы прочитать ту же заметку в «Заволжском рабочем»...

— Читал,— не моргнув глазом, ответил Клюквин.— Да ведь интересно знать, что на самом деле было.

Тимка заржал. Потом, будто бы вспомнив что-то, задумчиво произнес:

— В одной африканской стране есть закон: таким трепачам, как наш Филоныч, рты зашивают. Сначала столярным клеем губы смазывают, для надежности, а потом зашивают. Дратвой. Кому на месяц, кому на три, а то и на год — смотря, много ли наврал.

— Господи Иисусе!— привычно перекрестилась одна из старух.— И чего только на свете не бывает.

— Да... как же они потом? — с явным сочувствием к осужденным сердобольно спросила другая.— Питаются-то как?

— А очень просто,— не моргнув глазом, ответил Тимка.— Родственники их через ноздрю кормят, пипеткой.

— А ну как нет родственников?

— Это хуже,— согласился Тимка и, задумчиво почесав подбородок, брякнул:— Женить бы нам надо Филоныча. У нас, конечно, не Африка, но... на всякий случай. За него любая пойдет.

Клюквин презрительно сморщился, плюнул и ушел к себе во двор.

Строительство дома на Садовой затягивалось. Минули обещанные два и три месяца, и четвертый давно прошел, а где-то там, внутри семиэтажного красивого здания, все еще продолжались отделочные работы. Клюквин мне осточертел совершенно. Я старался не бывать по вечерам дома, задерживался на работе, просиживал в читальне, раза два даже ночевал у знакомых. Порфирия Филоновича это, похоже, весьма огорчало, и однажды вечером, когда я, вернувшись из очередной командировки, переступил порог комнаты, он напустился на меня, как лиса на цыпленка.

Сначала уши мои уловили жалобное подвывание, которое слабо донеслось с хозяйской половины. Обостренным за пять месяцев чутьем я сразу понял, что надвигается гроза, и хотел удариться в бегство, но было уже поздно: дверь отворилась, и в комнате показался Клюквин с перевязанной щекой — у него был флюс. Беспомощно оглянувшись на запертое окно, я покорно сел на кушетку и отдал себя на растерзание.

Не помню хорошенько, о чем говорил Порфирий Филонович.

Только мне все время казалось, что это не у него, а у меня болят зубы и что сам Клюквин очень похож на больной зуб, который надо бы вырвать. Выложив с десяток сплетен, Клюквин постепенно добрался до нового дома на Садовой улице.

— Слышали?— ядовито усмехаясь, спросил он.— Домик-то уже заселили. Целиком, до одной комнатки. Квартирка-то ваша тю-тю.

— Этого не может быть!— возмутился я.

— Выходит, что может. Вчера одна моя знакомая поехала туда с мужем — глядь, а квартира ихняя занята. И все другие заняты. Ни одной свободной. Очень прекрасно получилось!

— Нет, вы что-нибудь путаете.

— Да чего там путать! В городе об этом только и говорят. Что вы без квартирки остались, это уж точно, никуда не денешься...

Не знаю, как дожил я до утра, не помню, как добежал до работы. Ворвавшись в кабинет начальника, замер у дверей, как статуя, не в силах произнести ни слова. Тот с минуту рассматривал меня, хитровато улыбаясь, и наконец изрек:

— Что, брат, онемел от радости? Понимаю. Дуй в горисполком за ордером. Два раза уже звонили.

Я промямлил что-то совершенно нечленораздельное.

— Было дело, было,— благодушно посмеиваясь, продолжал начальник.— Предлагали поделить квартиру на двоих, одиночку подселить. Но мы с председателем месткома стеной встали: нет — и все! — и добавил совсем уже весело:— А квартирка — люкс! Сам бы не отказался. Так что получай ордер, вызывай семью и... будь счастлив.

Что со мной сделалось!

Я пулей выскочил из кабинета, трижды поцеловал попавшуюся на пути уборщицу с ведром и, позабыв надеть плащ, помчался в горисполком. Клянусь, в эту минуту я вовсе не думал о квартире. Ордер мне был нужен только для того, чтобы насухо утереть им нос Клюквину.

Обычно я ходил от центра до клюквинского дома около получаса. На сей раз мне хватило десяти минут. Весь трепеща от злорадства, влетел я домой и, сделав невероятную комбинацию из пальцев, показал Клюквину сразу четыре кукиша. Потом сунул к его длинному носу ордер и расхохотался прямо в лицо.

Клюквин испуганно отпрянул от меня, как от привидения, раскрыл рот.

— Смотри, смотри, старый сплетник, — говорил я, чуть не плача от наслаждения, — вот он, ордер, вот она, квартира! Ни одного метра еще не заселено в нашем подъезде, проклятый ты лгун. погоди, я выведу тебя на чистую воду!

Клюквин побледнел, и ехидная, саркастическая гримаса впервые сошла с его лица.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Попутчики	3
Осколки	29
С кем поведешься	45
Клюквин	57

Виктор Константинович ХОХЛОВ

ПОПУТЧИКИ

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 05.05.86. Подписано к печати 03.07.86. А 02001.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 4,24. Усл. кр.-
отт. 2,98. Тираж 80 000. Изд. № 1897. Зак. № 2903.
Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Если случится пожар в доме повышенной этажности

● Основную опасность при пожаре для жильцов, проживающих в домах повышенной этажности, представляет дым, в считанные минуты распространяющийся по всей секции, заполняя в первую очередь верхние этажи. На случай пожара в таких зданиях предусмотрен целый комплекс мер, обеспечивающих безопасную эвакуацию людей и быструю ликвидацию пожара. Это внутренний противопожарный водопровод, системы дымоудаления, извещения о пожаре, аварийные выходы и проходы. Но необходимо помнить, что противопожарные устройства должны содержаться в исправности, только в этом случае они могут помочь вам при пожаре, пути эвакуации — быть свободными!

● В случае пожара немедленно вызывайте пожарную охрану по тел. 01, приступайте к тушению и эвакуации людей из зоны пожара. Откройте ящик пожарного крана, расположенного на этаже, при задымлении нажмите кнопку включения системы дымоудаления. Проложите рукавную линию со стволом к очагу пожара, откройте вентиль, нажмите кнопку дистанционного пуска пожарных насосов, и направьте струю воды на огонь.

● **ПОМНИТЕ!** Беречь жилье от пожаров — долг каждого советского человека! Пожар не случайность — это наша оплошность, небрежность. Не нарушайте правила пожарной безопасности!

Центральный совет Всероссийского добровольного пожарного общества